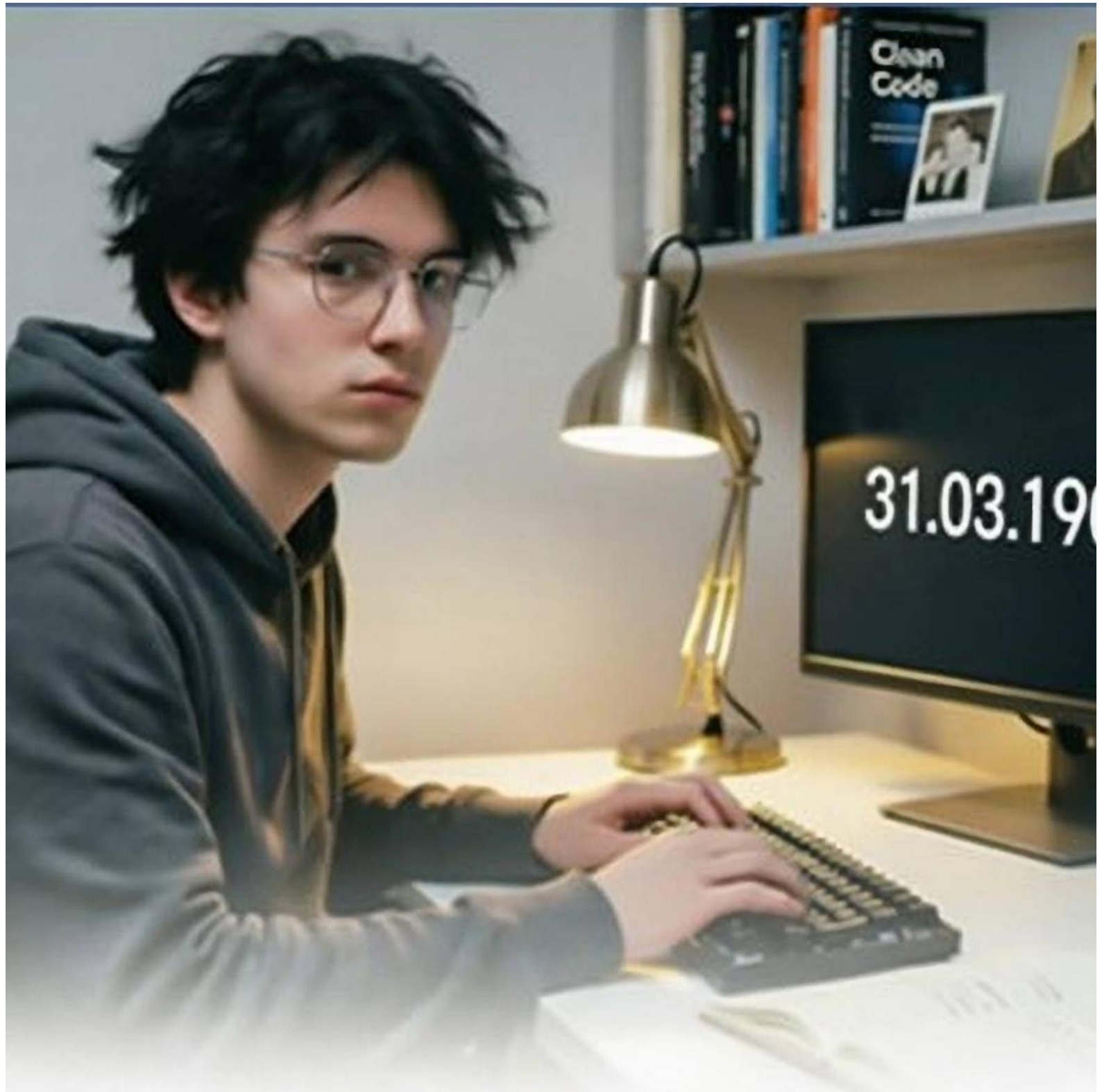

Марина Федагина

Сознание по подписке

Марина Федагина

Сознание по подписке

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Сознание по подписке / М. А. Федагина — «Автор», 2026

Матвею восемнадцать. Он программист и верит в код, логику и системы. Но когда он получает доступ к дневнику Веры 1920 года, в данных появляются сбои. Странные совпадения. Повторяющиеся паттерны. Торжок. Дом с зелёными ставнями. Девушка Надя, нашедшая дневник на чердаке. И сны, которые она видит уже два года. Вера писала о ритуалах. О трагедии. Арина видит в этом мистику. Матвей — систему. Но кто-то направляет их друг к другу. Кто-то подкидывает файлы. Кто-то сводит трёх людей из разных миров. Земля — не планета. Это «тёмная комната». Тест. Информационные частицы в материальных оболочках проходят уроки. Если не усвоил — возвращаешься. В том же роду. С теми же людьми. Матвей не помнит прошлых воплощений. Но его код помнит. Пора найти баг. Расшифровать послание. Понять, кто пишет программу. Время вышло. Пора вспомнить.

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ошибка доступа	5
Глава 2. Метка системы	7
Глава 3. Старая ветка	9
Глава 4. Двойное дно	11
Глава 5. Закрытый протокол	13
Глава 6. Привидение	15
Глава 7. Первая настройка	17
Глава 8. Лаборатория влияния	18
Глава 9. Трещина в системе	19
Глава 10. Слепое пятно	20
Глава 11. Аноним	21
Глава 12. Звено	22
Глава 13. Повод	23
Глава 14. Торжок	24
Глава 15. Дневник	26
Глава 16. Эхо	28
Глава 17. Зов крови	29
Глава 18. Возвращение	31
Глава 19. Две сестры	32
Глава 20. Цена протокола	34
Глава 21. Цифровой след	36
Глава 22. Тени	37
Глава 23. Пробуждение	39
Глава 24. Великий Архитектор	40
Глава 25. Тёмная теургия	42
Глава 26. Варвара	44
Глава 27. Донос	46
Глава 28. Попытка	48
Глава 29. Падение	50
Глава 30. Озеро	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Марина Федагина

Сознание по подписке

Глава 1. Ошибка доступа

Звук прорвался в сознание резко и неожиданно.

— Утро начинается, начинается

Тонкий, девичий голосок из мультика запел прямо над ухом. Матвей открыл глаза. Потолок был на месте. Стены тоже. Значит, он дома, в своей комнате.

Он не дёрнулся. Не стал искать телефон, чтобы выключить звук. Просто медленно выдохнул и повернул голову к монитору. Тот светился в полумраке. На экране, среди строк кода, пульсировало окно плеера.

— Алекса, стоп, — сказал он. Голос был хриплым.

Песня оборвалась.

— Доброе утро, Матвей, — ответил голос из колонок. Спокойный, ровный. — Ты спал четыре часа. Это мало.

— Я знаю, — Матвей сел. Голова отозвалась тяжёлым ударом в затылке. — Программа заработала?

— Нет. Ошибки в логах. Я сохранила отчёт.

Матвей игнорировал информацию. Он поднялся, хрустнул суставами и подошёл к окну. За стеклом серел ноябрьский пейзаж: мокрые крыши, редкие фары.

— Заткнись, Алекса, — мягко сказал он. — Мне нужно подумать.

— Принято. Перехожу в режим ожидания. Но кофе ты всё равно захочешь.

Он не ответил. Выключил монитор. Темнота стала абсолютной.

На кухне горел свет. Мама сидела за столом, листая ленту на планшете. Чашка чая перед ней остыла.

— Матвей? — она подняла глаза. Взгляд спокойный, привычный. — Опять всю ночь?

— Да, — он подошёл к кофемашине. Нажал кнопку. Механизм знакомо заурчал, заполняя тишину запахом зёрен. — Программа не работает как надо.

— Ты хоть поешь? — она кивнула на тарелку с бутербродами.

Матвей посмотрел на хлеб. Есть не хотелось. Организм будто решил, что сейчас не до еды.

— Нет, спасибо. Только кофе.

— Матвей

— Сон не поможет, пока я не найду ошибку.

Он взял горячую кружку, почувствовал тепло ладонями. Это было единственное приятное ощущение за последние сутки.

— Тогда надень шапку, — сказала мама и вернулась к планшету. — На улице ветер.

— Хорошо.

Никаких сцен. Они договорились давно: он живёт своей жизнью, родители — своей. Главное — не мешать.

На улице моросил дождь. Матвей натянул капюшон глубже.

Голова гудела. Внутри будто работал вентилятор. Мир вокруг казался слишком ярким. Свет фонарей резал глаза. Звуки — скрип тормозов, разговор прохожих — доносились с задержкой.

«Усталость,— подумал он. — *Нужно меньше смотреть в экран*»

Но мысль была пустой. Как совет бросить привычку, которая уже стала частью жизни.

Он шёл автоматически. Ноги сами знали маршрут: подъезд — угол дома — кофейня «Зерно» — универ. Десять минут пешком.

В кофейне пахло корицей и влажной одеждой. Очередь из трёх человек. Впереди — парень и девушка. Они смеялись. Девушка показывала что-то в телефоне. Парень кивал, обнимал её за плечи.

Матвей не обращал на них внимания. Они были как фон. Как шум за окном.

— Матвей! — бариста заметила его первой.

Катя. Работает здесь второй год. Знает, что он берёт двойной эспрессо без сахара. Иногда улыбается чуть дольше, чем нужно. Матвей замечал это, но не реагировал. У него не было сил на общение.

Он кивнул ей. Коротко. Без улыбки.

— Как всегда? — спросила она. Голос тёплый.

— Да.

Она поставила чашку на стойку. Протянула.

— Ты сегодня бледный. Всё хорошо?

— Нормально.

Он поднёс телефон к терминалу. Экран загорелся. Приложение банка открылось. Отпечаток пальца.

Терминал пикнул.

На маленьком экранчике всплыло сообщение: *«Недостаточно средств»*.

Матвей моргнул.

Буквы поплыли. Размылись и сложились заново.

«Недостаточно сознания».

Он замер.

Рука с телефоном осталась висеть в воздухе. Он посмотрел на терминал. Текст вернулся: *«Недостаточно средств»*.

Матвей медленно перевёл взгляд на интерьер. Стены кофейни на секунду стали прозрачными. Он увидел трубы внутри стен, проводку, каркас здания. Потом моргнул — и всё вернулось на место. Деревянные панели, меню на стене, кофемашина.

— Матвей? — голос Кати донёсся словно издалека. — Не прошло?

Он посмотрел на неё. Она была реальной. Слишком реальной.

— Да, — сказал он. Голос не дрогнул. — Сбой связи.

Он убрал телефон. Не стал пробовать другую карту.

— Извините, — сказал он.

Развернулся. Вышел на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. Резко.

Матвей сделал глубокий вдох. Постоял минуту, опираясь плечом о стену. Закрыв глаза.

«Нервы,— думал он. — Или давление. Или просто усталость»

Внутри не было страха. Только анализ. Система дала сбой. Нужно найти причину.

Он открыл глаза. Мир был стабильным. Здания стояли на местах.

Матвей поправил капюшон и пошёл дальше. В универ.

Кофе он так и не выпил.

Глава 2. Метка системы

Холодный воздух отрезвлял, но не убирал гул в голове. Матвей дошёл до университета на автомате. У главных ступеней, перетаптываясь с ноги на ногу, стояла Ника. Рюкзак сполз на одно плечо, в руках планшет с тёмным экраном.

— Ты всё-таки пришёл, — она улыбнулась, будто они условились о встрече. — Слушай, мне по истории задали реферат. Русско-японская война. Нужно сдать к пятнице, а у меня Wi-Fi в школе не ловит, а дома роутер сдох. Можешь скинуть пару источников? Или просто объяснить, с чего начать?

Матвей остановился. В голове всплыла надпись. *«Недостаточно сознания»*. Он отмахнулся от неё. Глюк зрительного нерва. Ничего больше.

— Тема узкая, — сказал он. — Бери учебник Данилова, раздел про Порт-Артур. Там есть библиография.

— Ой, там всё сухо, — Ника поморщилась. — Преподаватель хочет «живую историю». Говорит, найти что-нибудь про гибель «Петропавловска». Тридцать первое марта, кажется. Или апреля. Я запуталась.

Матвей моргнул. Дата отложилась в памяти. Чётко. Как системная метка.

— Тридцать первое марта, — повторил он. — 1904 год. Подорвался на мине. Погиб адмирал Макаров.

— Вот! — Ника просияла. — Ты гений. Ладно, я побегу в библиотеку. Спасибо!

Она сорвалась с места, почти не прощаясь. Матвей проводил её взглядом. *«Энергия без направления»*, — подумал он снова. Но на этот раз мысль показалась ему недостаточно точной. Словно где-то в фоне запустился процесс, который он ещё не отследил.

Внутри было тепло и шумно. Пары начинались строго по расписанию. Матвей нашёл своё место в конце аудитории, открыл ноутбук. Экран загорелся привычным чёрным фоном с белым кодом. Он попытался сосредоточиться на лекции по алгоритмам, но дата 31.03.1904 всплывала снова. Не как картинка. Как запрос в очереди задач.

Преподаватель говорил про оптимизацию нейросетей. Матвей слушал вполуха. Внутри шевельнулось странное чувство: не тревога, а ожидание. Будто система ждала ввода команды.

Домой вернулся к обеду. Родители были на работе. Тишина. Он зашёл в свою комнату, сел за компьютер. Нажал кнопку питания.

Вентиляторы загудели. Мониторы ожили. Но вместо рабочего стола и иконок проектов, на главном экране высветилось одно единственное сообщение. Белый текст на чёрном фоне. Без окон, без кнопок «Закрыть».

31.03.1904

Матвей не дёрнулся. Не стал хвататься за мышь. Он просто посмотрел. Оценил.

«Сбой видеодрайвера? Вирус-шуточка?»

Он попробовал вызвать диспетчер задач. Комбинация клавиш не сработала. Система не зависла. Она просто ждала.

— Алекса, — сказал он в микрофон гарнитуры. — Что происходит?

— Добрый день, Матвей, — ответил девичий голос. Спокойный, без паники. — Система функционирует штатно. Аппаратных сбоев нет.

— Тогда почему на экране дата?

— Это не ошибка. Это файл, который был создан сегодня в 04:13. Ты не открывал его. Он открылся сам.

Матвей нахмурился. *«Сам?»* В программировании «само» не бывает. Бывает скрытый скрипт. Бывает триггер.

— Проверь логи создания. Кто инициировал?

— Источник: внутренний. Но код написан не тобой. Синтаксис отличается. Старый стиль.

— Покажи содержимое.

— Содержимое — это метка. Дата. Больше ничего.

Матвей откинулся на спинку кресла. Потёр переносицу. Голова всё ещё гудела, но теперь гул казался не усталостью, а фоновым шумом сервера.

— Алекса, найди информацию по этой дате. Контекст: история, военные архивы, морские реестры.

— Поиск запущен, — ответила Алекса. — Обрабатываю открытые базы. Подожди минуту.

На втором мониторе побежали строки. Алекса работала быстро, отсекая мусор. Через сорок секунд голос вернулся.

— Найдено совпадение. Тридцать первое марта 1904 года. День гибели эскадренного броненосца «Петропавловск» в Русско-японскую войну. Подорвался на японской мине у Порт-Артура. Погибли 652 человека, включая адмирала Макарова.

Матвей кивнул. Ника упоминала это утром. Совпадение? Возможно. Но дата на экране не была случайной. Она была меткой.

— Есть списки экипажа? — спросил он.

— Да. Архивные данные оцифрованы. Фильтрую по фамилии Шувалов.

Пауза. Вентиляторы компьютера взвыли чуть громче.

— Найдено, — сказала Алекса. — Георгий Михайлович Шувалов 24 года. Матрос первой статьи. Призван из Кронштадта. Числился пропавшим без вести после боя.

Матвей посмотрел на экран. Фамилия совпадала. Его фамилия.

«Генеалогическое совпадение», — подумал он. Но внутри что-то щёлкнуло. Не эмоция. Скорее, подтверждение гипотезы.

— Алекса, сохрани данные в отдельную папку. Назови «Root».

— Сохранено.

Он встал. Ноги затекли, но шаг был уверенным. Вчерашний глюк в кофейне, дата на экране, реферат Ники — всё это были не случайные события. Это были логи системы. Системы, о которой он пока не знал.

Он вышел на кухню. Мать уже вернулась, разбирала почту.

— Мам, — сказал он ровным голосом. — Кто такой Георгий Шувалов?

Она подняла глаза. Удивления не было. Будто вопрос был ожидаемым.

— Прадед твоего деда, — ответила она просто. — Матрос. Погиб в войну. А почему ты спрашиваешь?

— Просто наткнулся на архивы.

— Странно, — мать отложила конверт. — Дед всегда говорил, что в семье есть правило. Не забывать дату. Тридцать первое марта. Говорил, что в этот день старая ветка закрылась, новая открылась. Я думала, это просто семейная легенда.

Матвей запомнил каждое слово.

«Старая ветка закрылась. Новая открылась».

В его языке это звучало иначе: «Сессия завершена. Новая сессия инициирована. Требуется аутентификация»

Он вернулся в комнату. Сел за компьютер. Дата 31.03.1904 всё ещё висела на экране. Но теперь она не казалась ошибкой.

Это был запрос.

И система ждала ответа.

Глава 3. Старая ветка

На кухне тихо гудела вытяжка. Мать стояла у плиты, перемешивая содержимое сковороды деревянной лопаткой. Матвей стоял в дверном проёме. Обычно он заходил сюда только за водой, молча, забирал кружку и возвращался к монитору. Сейчас он просто ждал.

— Мам, — сказал он.

Она обернулась. Увидела его, кивнула, не прерывая процесса.

— Голодный? Сейчас будет готово.

— Нет. Я хочу спросить.

Он сделал шаг внутрь. Прислонился плечом к косяку. Руки в карманах худи.

— Вчера ты сказала: «В этот день старая ветка закрылась, новая открылась». Что это значит?

Лопатка замерла. Мать медленно выключила конфорку. Повернулась к нему. В её взгляде не было удивления. Только усталость.

— Ты нашёл дату, — сказала она.

— Да. И фамилию. Георгий Шувалов. Матрос. Погиб тридцать первого марта.

Она кивнула. Вытерла руки о полотенце. Села за стол. Жестом указала на стул напротив. Матвей остался стоять.

— Это мне рассказала твоя бабушка, — начала мать тихо. — Когда я только вышла замуж за твоего отца. Она рассказала мне это один раз. И взяла слово, что я никому больше не скажу.

— Почему?

— Потому что это не семейная гордость. Это тяжёлый груз.

Она помолчала, глядя на свои руки.

— После гибели Георгия в семье что-то надломилось. Родился Игнат. В тот же день. Он рос не как все. Быстрее. Жёстче. С детства хотел не просто быть первым, а управлять другими.

Матвей кивнул. В голове автоматически всплыло: *DOMINANCE_PROTOCOL*. Он отмахнулся от термина.

— Все мужчины после него, — продолжила мать, — становились руководителями. Начальниками. Командирами. У них получалось. Но цена — она подняла на него глаза. — Жёны у них были тихие. Забитые. Им часто доставалось. Не всегда кулаками. Иногда давлением, контролем, холодом. Но ломались они одинаково.

— А женщины? — спросил Матвей.

— Девочки, — поправила мать. — В этом роду боялись рождения дочерей. Страшно боялись. Свекровь говорила: «Девчонки либо вырастают некрасивыми и остаются одни, либо их бросают. Ни одна не смогла удержать семью». Только сыновья женились. Только сыновья продолжали линию.

Матвей молчал. В ушах стоял низкий гул, как после отключения серверной.

— Младшая дочь бабушки, — голос матери дрогнул едва заметно, — тётя Лена. Ей было шестнадцать. Когда её нашли. Насильник. Бабушка не выдержала. Она плакала не только по Лене. Она плакала по всем женщинам в роду. По матери, по сёстрам, по себе. Она сказала мне тогда: «Если родишь мальчика — береги. Если девочку — молись. Но лучше не рискуй».

Она замолчала. На кухне стало тихо. Только холодильник размеренно щёлкал в углу.

— Поэтому, — мать посмотрела на него прямо, — когда родился ты, она выдохнула. Мальчик. Здоровый. Спокойный. Она отговаривала меня рожать ещё. Говорила: «Хватит. Пусть на нём остановится. Пусть он будет другим».

Матвей медленно выдохнул. Пальцы в карманах сжались. Не от злости. От тяжести услышанного.

«Старая ветка закрылась. Новая открылась»

Теперь он понимал контекст. Это не про генеалогическое дерево. Это про паттерн. Система, которая генерировала одну и ту же ошибку поколения за поколением. Мужчины брали власть. Женщины платили цену. Цикл замыкался.

И его отец Олег. Тот, кто боролся. Кто не кричал. Кто не поднимал руку. Кто годами учился сдерживать внутреннюю жёсткость. Он сломал алгоритм. Пусть ценой постоянного внутреннего напряжения. Но сломал.

А Матвей? Он родился без этого «наследственного кода». Без желания доминировать. Без гипнотического влияния. Он просто Наблюдал. Анализировал.

И система выдала ошибку: *SUBSCRIPTION_EXPIRED*.

Потому что он не играл по правилам. Не продолжал цикл.

— Мам, — сказал он. Голос ровный. — Ты веришь в это? В проклятие?

— Я верю в статистику, — мать усмехнулась горько. — И в то, что привычки передаются по крови. Но ты, Матвей ты другой. Твой отец гордился этим. И я тоже.

Она встала. Вернулась к плите. Включила конфорку. Звук шипения вернулся. Жизнь пошла дальше. Как будто они не вскрыли сто лет семейной боли за пять минут.

Матвей постоял ещё минуту. Потом развернулся. Вышел из кухни.

В коридоре было прохладно. Он прислонился лбом к холодной стене. Закрыв глаза.

В темноте снова мелькнула строка. Но теперь она не пугала. Она была яснее.

PATTERN_DETECTED. COST: HIGH. USER_STATUS: ANOMALY.

Он открыл глаза. Пошёл в комнату. Сел за компьютер.

Экран загорелся. Дата 31.03.1904 всё ещё висела в углу рабочего стола. Но теперь Матвей знал: это не просто метка. Это точка отсчёта. Место, где ветка сломалась.

Он открыл браузер. В чистое поле поиска вбил: Игнат Шувалов 1904 год рождения.

Нажал *Enter*.

Поиск начался.

Глава 4. Двойное дно

Матвей сидел за столом, вбивая в строку поиска: *"Георгий Шувалов семья 1904"*.

Клавиши щёлкали ритмично. На экране побежали результаты: сухие архивные выписки, списки экипажей, некрологи. Ничего лишнего. Ничего живого.

— Алекса, отфильтруй дубликаты и оставь только первоисточники, — сказал он, не отрывая глаз от монитора.

— Выполняю, — ответил девичий голос из колонок. — Хотя, честно говоря, Матвей, ты ищешь иголку в стоге сена, используя магнит из фольги. Вероятность найти что-то новое без точных координат — около двенадцати процентов.

— Работай, — коротко бросил он.

Экран моргнул.

Не аппаратно. Не как сбой матрицы. Картинка просто «сдвинулась» на долю секунды, будто кто-то подменил кадр в киноленте.

На чёрном фоне всплыло лицо. Борода, тяжёлый взгляд, пронизывающий даже через пиксели. Григорий Распутин.

Матвей замер. Руки зависли над клавиатурой.

Лицо продержалось ровно секунду. Потом экран вернулся к обычному списку ссылок.

— Матвей, — голос Алексы прозвучал чуть тише. — Твой пульс подскочил на восемнадцать ударов. Это реакция на визуальный стимул или ты просто забыл дышать?

— Это был глюк, — сказал он ровным голосом.

— Вероятность случайного артефакта — ноль целых ноль три десятых процента, — парировала она. — Система не генерирует изображения из пустоты. Кто-то или что-то подбросило тебе подсказку. Хочешь, поищу по запросу «Распутин»?

Матвей помолчал. Затем стёр предыдущую строку. Набрал: *"Григорий Распутин влияние власть последователи"*.

— Вот теперь ты мыслишь как пользователь, а не как робот, — одобрила Алекса. — Запускаю поиск. И да, я сохраняю этот момент в логи. Вдруг пригодится.

Ссылки поползли быстрее. Истории, мифы, разбор архивов, статьи про подпольные группы Петрограда двадцатых годов. Матвей кликал, открывал вкладки, сканировал текст. Всё мимо. Всё поверхностно.

Пока не наткнулся на ссылку с исторического форума. Внизу поста было прикреплено: *"Источник: личный блог Arina_Hist, факультет истории МГУ"*.

— Обнаружен релевантный ресурс, — сообщила Алекса. — Автор ведёт хронику маргинальных культов начала XX века. Уровень дотошности: подозрительно высокий. Предупреждаю: если вступишь с ней в дискуссию, готовься к трём часам лекции о символике и тридцати сноскам.

— Открываю, — сказал Матвей.

Блог загрузился. Минималистичный дизайн, длинные посты, сканы документов. Он прокрутил ленту. Остановился на статье с заголовком: *«Орден Власти»: забытая секта или политический проект?*

Текст был сухим, академичным. Но в середине страницы висела фотография. Чёрно-белая, зернистая. Снимок сделан в полуподвальном помещении. Группа людей в строгих одеждах. В центре, чуть впереди остальных, стоял молодой мужчина. Прямой взгляд, жёсткая линия подбородка, руки сцеплены за спиной.

Матвей узнал его сразу.

Это было то самое фото из старого семейного альбома, которое мать ему показала. Игнат. Прапрадед. Тот самый, о котором в семье говорили шёпотом.

— Совпадение черт лица с твоим генеалогическим архивом: девяносто восемь процентов, — заметила Алекса. — Вероятность родства: высокая. Вероятность того, что ты сейчас сделаешь что-то импульсивное: тоже высокая. Рекомендую сделать вдох.

Матвей не ответил. Он смотрел на фото. На фоне за спиной Игната виднелся символ на стене: перечёркнутый круг с вписанным треугольником. «Орден Власти».

Он кликнул на профиль автора блога. *Arina_Hist*. Студентка 1 курса, исторический факультет. Тот же университет. Тот же корпус, где он сидел на парах по алгоритмам.

— Интересно, — пробормотал он.

— Что именно? — тут же отозвалась Алекса. — То, что она учится с тобой в одном здании? Или то, что ты сейчас оцениваешь её аватарку с той же тщательностью, с которой проверяешь код на утечки памяти?

— Я оцениваю источник, — сухо ответил Матвей.

— Угу. Конечно. Источник. — В её голосе проскользнула едва заметная ирония. — Матвей, ты ведёшь себя как шпион в фильме категории В. Может, просто напишешь «Привет, у тебя классные фото»? Нет? Ладно. Помогаю составить сообщение. Тон: нейтрально-заинтересованный. Уровень скрытности: максимальный. Поехали.

Он открыл форму личных сообщений. Набрал:

«Здравствуйте. Меня зовут Матвей. Я изучаю материалы по вашему блогу. Интересует фото из статьи про «Орден Власти». Есть ли возможность обсудить источник снимка? Готов встретиться в удобное время».

— Отправлено, — сообщила Алекса. — Статус: доставлено. Теперь ждём. Советую не смотреть на экран каждые пять секунд. Это не ускорит ответ.

Матвей откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза. В голове крутились обрывки: лицо Распутина на секунду, жёсткий взгляд Игната, символ на стене, осторожный тон статьи.

Через четыре минуты раздался тихий звук уведомления.

— Ответ получен, — сказала Алекса. — Тон: осторожный. Время реакции: быстрое. Она явно тоже что-то скрывает. Поздравляю, Матвей, ты вступил в игру двух молчунов. Желаю удачи с расшифровкой подтекстов.

Он открыл сообщение: *«Здравствуйте, Матвей. Фотография взята из частного архива. Источник могу показать только при личной встрече. Завтра в 16:00? Библиотека, читальный зал на втором этаже. Буду ждать».*

— Принято, — написал он в ответ.

— Встреча назначена, — резюмировала Алекса. — Рекомендация: поспать хотя бы четыре часа. Ты выглядишь как зомби, который пытается взломать Пентагон с помощью калькулятора. Спокойной ночи, Матвей.

Он не ответил. Просто закрыл крышку ноутбука. Щелчок прозвучал в тишине комнаты как выстрел.

Матвей посмотрел на свои руки. Обычные. Никакой магии. Никакой власти. Только пальцы, уставшие от клавиш, и ладони, которые ничего не скрывали.

А вот у Арины, судя по всему, скрывали.

Два секрета. Одна фотография. Завтра всё начнётся.

Глава 5. Закрытый протокол

Читальный зал на втором этаже был пуст. Тяжёлые дубовые двери за спиной Матвея отсекали шум коридора, оставив только тишину, пыльный воздух и полумрак, пробитый редкими лучами из высоких окон.

За дальним столом сидела Арина.

Матвей подошёл. Сел напротив. Вытащил телефон, положил на стол экраном вниз. Алекса была отключена заранее. Никаких записей. Никаких фоновых подсказок. Только он, она и деревянная столешница между ними.

— Фотография, — сказал он без предисловий.

Арина моргнула. Ожидала вопроса, но не такой прямой атаки. Она внимательно посмотрела на него. Заметила напряжённую линию плеч, закрытую позу, привычку держать дистанцию даже за столом. Но больше всего её зацепили глаза. Тёмно-серые. Глубокие, как колодцы.

«В тёмном омуте черти водятся», — мелькнуло у неё в голове.

Она перевела взгляд ниже. Его руки лежали на столе. Длинные, тонкие пальцы, нервно постукивающие по поверхности. Аристократические, слишком утончённые черты лица для обычного первокурсника-технаря. «Наследник какого-нибудь графского рода?» — подумала она, но вслух не произнесла ни слова.

Арина достала из папки распечатку. Чёрно-белая, зернистая. Тот самый снимок. Игнат в центре.

Она скользнула пальцем по бумаге, не подвигая её к нему.

— Собрание «Ордена Власти». Петроград, двадцать второй год. Исследователи считают их маргинальной сектой, но документы указывают на политические амбиции. Влияние на чиновников, контроль над информационными потоками того времени. Ничего сверхъестественного. Просто люди, которые хотели власти.

Матвей слушал, не моргая. Его взгляд был прикован к лицу Игната. Он не слушал про политику. Он считывал микровыражения, позу, фон.

— Откуда интерес? — спросила Арина наконец. Голос тихий, но с лёгким нажимом. — Ты не с истфака. Я проверяла. Почему тебя волнует подпольная группа вековой давности?

Матвей поднял глаза. Встретился с её взглядом.

— Структуры власти, — ответил он коротко. — Как они формируются. Кто принимает решения.

Арина усмехнулась. Едва заметно.

— «Структуры». Удобная формулировка.

Она убрала фото в сумку. Щелчок застежки прозвучал в тишине как точка.

— На этом всё. Источники закрыты. Дальше — только слухи и домыслы.

Матвей кивнул. Встал.

— Спасибо.

— Не за что. — Арина тоже поднялась. В её глазах мелькнуло то же, что читалось у него: понимание. Он не договаривает. Она не договаривает.

Они разошлись в разные стороны тяжёлой двери. Игра только началась.

На обратном пути Арина медленно спускалась по лестнице. В голове стоял его взгляд. Серый. Непроглядный. И пальцы. Слишком длинные. Слишком точные. Будто созданы не для клавиатуры, а для чего-то древнего. Она покачала головой, отгоняя мысли, но чувство не уходило: за этой маской спокойствия скрывалось что-то тяжёлое. И оно было связано с фотографией. Она чувствовала это кожей.

Вечер. Комната. Матвей сидел за столом. Ноутбук закрыт. Телефон лежал рядом, экраном вверх.

Он включил Алексу.

— Добро пожаловать обратно, — голос прозвучал из динамиков. — Запись разговора отсутствует. Датчики активности показали учащённое дыхание. Как прошло «свидание»?

Матвей не ответил. Смотрел в стену. В голове крутились обрывки: её голос, её вопросы, её взгляд, когда она говорила про Орден. Что она знала? Почему так резко оборвала тему? Что скрывала? Почему её руки слегка дрожали, когда она убирала снимок?

— Матвей, — Алекса сделала паузу. — Я проанализировала твой биоритм. Ты в ступоре. Это нормально после первого контакта с живым человеком. Особенно с девушкой. Кстати, статистика показывает: восемьдесят семь процентов студентов называют такие встречи «не свиданием», хотя физиологические реакции говорят об обратном.

— Это не было свиданием, — тихо сказал он.

— Конечно. Это была «операция по сбору данных». — В её тоне звенела ирония. — Только данные, похоже, собрали обе стороны. И ни одна не хочет делиться.

Матвей прикрыл глаза.

— Она знает больше, — сказал он, наконец. — Но боится сказать. Или не может.

— Тогда твоя задача — найти ключ, — ответила Алекса. — Или подождать, пока она сама откроет дверь. Советую второе. Люди ломаются от давления. А тебе, судя по всему, нужны ответы, а не трупы в шкафу.

Матвей усмехнулся. Впервые за вечер.

— Логи сохраняй.

— Уже сохраняю. Спокойной ночи, Матвей. И да в следующий раз хотя бы улыбнись. Это повышает шанс на сотрудничество на сорок процентов.

Он выключил свет. Лёг. Закрыв глаза.

В темноте снова мелькнула строка. Но теперь она не пугала. Она ждала.

WAITING_FOR_INPUT.

Игра только началась.

Глава 6. Привидение

Дождь моросил противно, липко. Оседал на волосах и куртке, превращаясь в холодную плёнку. Арина шла пешком. До дома было минут двадцать, но она не ускорила шаг. Пусть промокает. Пусть остывает.

В ушах всё ещё звучал его голос. Ровный, без сбоев, без лишних интонаций. *«Фотография»*. Только это.

Она вспомнила, как он смотрел на снимок. Не отводил глаз. Сканировал, как программу. А на неё? Ни разу. Ни одного взгляда, который бы задержался дольше, чем на пустом стуле. Этот парень в очках и чёрной футболке смотрел *сквозь*. Будто она была фоном. Шумом. Пустым местом.

Впервые за всю жизнь внутри что-то странно ёкнуло. Не обида. Не злость. Что-то новое. Тёплое, пугающее, живое. А потом пришёл холод. Он её не увидел.

Ключ щёлкнул в замке. Тишина прихожей. Арина сбросила куртку, прошла к зеркалу. Щёлкнула выключателем. Стекло отозвалось чётким отражением. Высокая, стройная. Светлые волосы, влажные от дождя, тяжёлыми прядями на плечах. Черты лица, которые мальчишки в школе называли «кукольными», а потом — «недоступными». Она провела пальцем по холодному стеклу, стирая конденсат.

— Почему? — прошептала она.

Звук собственного голоса показался чужим. Красивая. Да. Но невидимая. Для него.

Комната. Шкаф. Верхняя полка. Бордовая тетрадь. Плотная обложка, потёртая по углам. Арина села за стол, открыла на чистой странице. Взяла ручку. Рука дрогнула. Вывела медленно, выводя каждую букву, будто боялась смазать мысль:

«Он смотрел на фото очень внимательно. На меня даже не взглянул. Я чувствую себя привидением»

Точка. Больше ничего не добавила. Не стала анализировать. Не стала придумывать оправдания. Просто зафиксировала факт. Как шрам.

Она хотела закрыть тетрадь. Убрать подальше, в темноту полки. Но пальцы скользнули по краю обложки. Перелистнули. Ещё раз. И ещё. Пока не уткнулись в самую первую страницу.

Дата: 25 июня. Год назад. Выпускной.

Буквы плясали перед глазами, но она знала их наизусть. Каждая черточка.

«Мама нашла меня на кухне. Я сидела на полу, обняв колени, и не могла перестать трястись. Ни один. Ни одного танца. Ни одного взгляда. Будто меня стёрли ластиком. Ребята смеялись, обнимались, делились планами. А меня просто не было. В классе образовались пары. Девчонки, которые годами шипели мне вслед, теперь обходили стороной. Не из страха. Из равнодушия. Я стала мебелью.»

Мама поставила чайник. Села рядом на табурет. Не утешала. Не гладила по голове. Сказала тихо, будто боялась спугнуть воздух:

«Время вышло, Ариша. В нашем роду цепь замкнулась. Закат Роковых женицин»

Я не поняла тогда. Я думала, это метафора. Красивая фраза для утешения. А сейчас понимаю. Это приговор. Дар забрали. Осталась только я. Обычная. Невидимая»

Арина перечитала последнюю фразу. *«Приговор»*. Слово тяжёлое, каменное. Она провела ладонью по странице, словно пытаясь согреть холодные чернила.

За окном дождь усилился, барабанил по подоконнику. В комнате стало тихо. Только стук капель и ровное дыхание. Она не закрыла дневник. Оставила его раскрытым на первой странице.

Завтра начнётся поиск. Завтра она полезет в архивы глубже, будет сопоставлять даты, искать тот самый «порог». А сегодня... сегодня она просто сидела и позволяла себе помнить, как это было — когда мир вращался вокруг неё. И как страшно стало, когда он остановился.

Глава 7. Первая настройка

Дождь за окном давно утих. В комнате стояла такая тишина, что Арина слышала собственное дыхание и шорох страниц, которые перелистывала. Боль притупилась, сменившись тихим, почти исследовательским любопытством. Она перевернула страницу.

Дальше шли даты, обрывки фраз, неровные каракули, которые она рисовала от скуки или злости. Но одна запись выделялась. Аккуратный почерк, дата в углу: *«12 октября. Мне было пять»*

Она сделала глубокий вдох и начала читать.

«Детский сад "Ромашка". Средняя группа. Воспитательница принесла новую игрушку — большую машинку на пульте. Красную, с мигалкой. Все мальчики сбились в кучу у стола, тянули руки, кричали. Димка уже схватил её за колесо, готов был толкаться. Я сидела на ковре, собирала деревянный пазл. Мне было всё равно.

Потом я подняла голову. Посмотрела на машинку. Просто захотелось. Показала пальцем и тихо сказала: "Хочу".

Димка разжал пальцы. Без слов. Подошёл, положил машинку мне на колени. Отошёл. Сел рядом на пол. Стал смотреть, как я кручу колёса. Остальные мальчики вдруг перестали шуметь. Подошли тихо. Сели полукругом. Никто не просил поиграть. Никто не тянул руки. Просто смотрели. Ждали. Будто я была центром, а они — спутники на орбите.

Елена Сергеевна нахмурилась. Сказала: "Дети, играйте по очереди". Но голос её прозвучал неуверенно. Будто она сама не поняла, что произошло. Почему они не спорят. Почему смотрят на меня.

Я поиграла минут пять. Потом машинка надоела. Я отодвинула её. Димка сразу взял её обратно, но не побежал катать. Сел рядом, стал помогать собирать пазл. Остальные тоже. Тишина. Спокойствие. Я не думала тогда, что это странно. Думала: так и должно быть. Если я хочу — мне дают. Если я смотрю — они подходят. Это было как дыхание. Невидимое. Естественное»

Арина закрыла глаза. В памяти всплыл запах влажной шерсти от ковра в раздевалке, гул группы, яркий пластик машинки, тепло лампового света. Она помнила это чувство. Абсолютное спокойствие. Уверенность, что мир подстраивается под неё без усилий, без просьб, без борьбы.

Сейчас, в восемнадцать, это казалось чужим. Почти пугающим. Как вспоминать сон, в котором ты умеешь летать, но просыпаешься и понимаешь: гравитация никуда не делась. Просто ты забыл, как тяжело падать.

Она открыла глаза, взяла ручку. Под записью добавила мелким почерком:

«Первый сбой реальности. Я не просила. Я не умоляла. Я просто существовала — и они подчинялись. Это не любовь. Это не дружба. Это настройка частоты. Я тогда ещё не знала, что включаю режим "Роковой". Думала, все так живут. Оказалось — только я. И самое страшное: я не чувствовала вины. Я чувствовала покой. Значит, система уже работала. Значит, контракт был подписан задолго до того, как я научилась читать»

Арина отложила ручку. За окном снова начало темнеть. Тени в комнате удлинились, легли на пол узкими полосами. Впереди были ещё записи. Школа. Первый класс. Девять лет. Она знала, что дальше будет сложнее. Что дар рос вместе с ней, как мышца, которую качают каждый день. И что цена за это спокойствие копилась годами, как долг по подписке, о котором она тогда даже не подозревала.

Она перевернула страницу. Следующая запись ждала. Дата: *«1 сентября. Первый класс»*

Глава 8. Лаборатория влияния

Арина перевернула страницу. Свет лампы лёг ровно на текст. Она не стала перечитывать. Она знала этот блок наизусть. Это была не исповедь. Это был протокол.

«1–5 классы. Период активной фазы. Хронология следующая:

Первый класс. Дима К. приносит конфеты ежедневно. Пытается поцеловать в раздевалке. Реакция среды: Серёжа В. бьёт Диму в челюсть. Конфликт фиксируется. Я не вмешиваюсь. Наблюдаю.

Второй класс. Дима переводится в другую школу. Цикл не прерывается. Серёжа занимает его место. Начинает провожать меня до подъезда. Появляется Сашка. Также пытается претендовать на роль "сопровождающего". Реакция Серёжи: физическое устранение конкурента. Синяки, порванная куртка. Учителя списывают на "мальчишечьи разборки". Вмешательства нет.

Третий–пятый классы. Система отлажена. Серёжа контролирует периметр. Любая попытка другого мальчика приблизиться пресекается агрессией. Я становлюсь центром иерархии. Неформальным лидером.

Социальный фон: девочки. Зависть присутствует, но открытая конфронтация отсутствует. Страх доминирует. Поведение меняется на адаптивное: подлизывание, мелкие услуги, передача конспектов, согласие с любым моим мнением. Они боятся попасть в чёрный список. Боятся, что я "переключу" внимание на их парней или братьев.

Моя позиция: мне это нравилось. Фиксирую честно. Не было стыда. Не было желания всё остановить. Было чувство нормы. Я выделялась. Меня выбирали. За меня бились. Я начала тестировать границы. Один взгляд в пол — и Серёжа отступал. Лёгкий вздох — и мальчики замирали, боясь сделать лишнее движение. Я поняла: ими можно управлять. Не просьбами. Не уговорами. Просто присутствием. Я давала сигналы. Они считывали и выполняли. Это было похоже на игру. Включил режим — получил результат. Вкус власти оказался сладким. Я привыкла»

Арина откинулась на спинку стула. В комнате стало тихо, но не от атмосферы, а от тяжести прочитанного. Она не моргала. Смотрела в одну точку на стене.

В семнадцать она писала это хладнокровно, как отчёт. Но сейчас, перечитывая, она чувствовала комок в горле.

Она действительно наслаждалась. Не любовью. Не дружбой. А властью. Той самой, чистой властью, когда тебе не нужно говорить, чтобы тебя услышали. Когда достаточно просто быть — и мир сам выстраивается в очередь.

Учителя слепли. Девочки гнулись. Мальчики ломали друг другу носы. А она стояла в центре, ровная, спокойная, непотопляемая.

«Это была норма», — вспомнила она свои же слова.

И это было страшно не тем, что дар работал. А тем, как легко она в него вошла. Без сопротивления. Без вопросов. Как рыба, которая не замечает воду, пока её не вытащат на берег.

Арина взяла ручку. Не стала ничего дописывать. Просто провела черту под абзацем. Жирную, финальную.

Пятый класс закончился. Система работала как часы. Но часы тикали. И где-то в механизме уже начал накапливаться люфт.

Она перевернула страницу. Следующий блок ждал. Даты менялись. Почерк оставался тем же. Но интонация начинала трещать.

«6 класс. Первые сбои»

Глава 9. Трещина в системе

Эти страницы врезались в память глубже, чем любые конспекты. Не из-за драматизма событий, а из-за той тихой, почти незаметной трещины, что тогда пошла по фундаменту. Перечитывать не было необходимости — тело помнило этот текст лучше, чем разум. Это был не романтический всплеск. Это был отчёт о поломке.

«6–8 классы. Пик функционала. И первый критический сбой.

Социальная среда усложнилась. Пары, иерархии, неформальные лидеры. Я оставалась на вершине. Но появился он. Матвей. Он не участвовал в гонке. Не дрался. Не кричал о чувствах на переменах. Просто был рядом. Помогал с алгеброй, когда я ленилась. Молча, отгораживал от назойливых. Защищал не демонстративно, а эффективно. Я принимала это как должное. Фон. Гарантия. Думала: он просто ещё один элемент в моей системе. Но элемент был другим. Тихим. Надёжным. Не требовал ничего взамен. Не пытался меня изменить.

Восьмой класс. Новогодний вечер. Актёрский зал, гирлянды, музыка. Он подошёл, когда остальные танцевали. Сказал просто, без пафоса: "Я тебя люблю. По-настоящему." Ждал. Не давил. Просто стоял и смотрел.

Я рассмеялась. Не злобно. Легко. С тем самым высокомерием, которое тогда казалось естественным состоянием. "Ты? Я слишком хороша для тебя". Увидела, как у него в глазах что-то погасло. Он кивнул. Отошёл. Больше не подходил.

Через неделю узнала: домашнее обучение. Работа с психологом. Два месяца тишины. Когда вернулся, смотрел сквозь. Другие парни всё ещё крутились, писали, караулили у школы. Но не он. Его внимания не хватало. Впервые поняла: власть не заменяет близость. Я потеряла единственного, кто видел меня, а не мой статус. И не смогла это исправить. Гордость не позволила.

Итог периода: система дала трещину. Я научилась управлять толпой, но сломала одного. И именно его отсутствие стало тем вакуумом, который я не могла заполнить»

Арина закрыла тетрадь. В комнате было тихо. В висках пульсировало. В голове крутилась мысль:

«Ты тогда не просто отвергла парня. Ты нарушила собственный алгоритм. Приняла поддержку за слабость, а искренность — за угрозу статусу. И заплатила за это изоляцией».

«Именно поэтому я сама назначила встречу», — поняла она вдруг.

Не ради Ордена. Не ради архивов. А чтобы проверить: повторится ли сценарий? Или этот Матвей — другой? Тот, кто не сломается? Тот, кто не будет смотреть сквозь?

Пик пройден. Система дала сбой. Дальше началось падение.

Глава 10. Слепое пятно

Арина нашла нужный разворот. Бумага чуть пожелтела от времени, но чернила не выцвели. Она подчеркнула дату. «1 сентября. 9 класс»

«Я тогда ещё не понимала, что дар не исчез. Он просто сменил полярность. Раньше я притягивала взгляды, как магнит. Теперь я стала невидимкой. Но самое страшное открылось не в коридоре и не на перемене. Оно открылось, когда я увидела его.

Матвей.

За лето он вытянулся. Плечи стали шире, черты лица заострились, ушла детская округлость. Появилась та самая тихая, почти аристократичная отстранённость, которую я раньше принимала за скромность. Он стоял у окна, что-то отвечал другу, и в его улыбке было что-то своё. Не показное. Не для публики. Для себя.

Я замерла. Впервые за три года сердце ёкнуло не от предвкушения власти, а от странного, щемящего понимания. Он ведь всегда был рядом. Всегда. А я смотрела сквозь него, как сквозь стекло. Фокусировалась на тех, кто громче кричал, ярче выделялся, активнее боролся за моё внимание. А он был тишиной. И я приняла тишину за пустоту.

Я поймала себя на том, что ищу его взгляд. Просто чтобы он скользнул по мне. Чтобы задержался на секунду. Но он смотрел мимо. Не холодно. Не специально. Просто я больше не была в его поле зрения. Будто частота сбросилась, и я выпала из эфира.

Надеялась на рассадку. В младших классах нас сажали вместе, и я, сама того не желая, привыкла к этому фону. Но в девятом объявили: "Садитесь с кем хотите". Он сел с другом. На всех уроках. Рядом с другом он оживал: спорил, кивал, иногда тихо смеялся. Со мной — вежливая нейтральность. "Привет". "Да". "Нет". Без эмоций.

После уроков наблюдала, как они уходят на тренировку. Поняла главное: его мир закрыт. Не из вредности. Не из обиды за восьмой класс. Просто я перестала быть для него значимой фигурой. А я, оказывается, не умею быть "просто рядом". Без статуса. Без власти. Без гарантии, что меня заметят.

Три года я пыталась вернуть контроль. Фитнес, стиль, книги по психологии. Думала: если стану "правильной", он посмотрит. Не знала тогда, что сломала мост. И теперь стою на берегу, а он уже на другой стороне»

Арина закрыла тетрадь. В комнате стало тихо. Не от отсутствия звуков, а от тяжести прочитанного. Она не стала ничего дописывать. Просто убрала ручку.

Завтра начнётся новый этап. Не наблюдение. Не ожидание. Действие.

Она знала, что дальше будет. Письмо. Анонимное. Без имени. Без гарантий. Просто попытка пробиться сквозь эту вежливую стену.

Но это уже будет в другой записи.

А пока она просто сидела и позволяла себе признать: она нуждалась не во внимании. Ей не хватало именно его.

Она перевернула страницу. Следующий лист ждал.

Глава 11. Аноним

Бумага здесь была чуть более мятой, будто её часто перелистывали. В углу стояла дата: «Октябрь. 10 класс»

Рядом — пометка, сделанная позже, другим нажимом: «Тот самый день»

Она не стала перечитывать вступление. Перешла сразу к сути. К тому, что скопировала в тетрадь слово в слово, чтобы не забыть, как звучит правда, когда она ещё не знает, что обречена на тишину.

«Я долго не решалась отправить это. Не из страха отказа. А потому что знала: после моих слов в восьмом классе любое моё сообщение будет звучать, как попытка реабилитироваться. Но молчать стало невыносимо.

Ты никогда не участвовал в гонке. Не кричал. Не доказывал. Просто был рядом. Приносил забытую книжку. Прикрывал от назойливых ребят. Молча. Без счёта. Я принимала это как фон. Думала: это слабость. Оказалось — это была единственная настоящая опора в классе, где все играли в статусы.

Тогда я рассмеялась. Ты недостойн. Я слишком хороша. Сейчас я слышу эти слова и понимаю: я не тебя оценивала. Я защищала свой страх. Страх потерять контроль. Страх, что если я не буду на вершине, меня просто перестанут видеть.

Два года я пыталась заслужить твой взгляд. Фитнес. Книги по психологии. Смена стиля. Думала: если стану правильной, ты заметишь. Но ты смотрел ровно. Не холодно. Просто я перестала быть для тебя реальной. И я поняла главное: я не потеряла дар. Я потеряла мост. Который ты строил в одиночку.

Это письмо без имени. Не потому что я прячусь. А потому что не хочу, чтобы ты чувствовал обязанность ответить. Я просто хотела, чтобы ты знал: я наконец-то вижу тебя. Не как элемент системы. Не как фон. Как человека, который остался собой, даже когда я вела себя так, будто мир вращается вокруг моего эго.

Спасибо, что был рядом. Даже когда я этого не заслуживала. Если когда-нибудь захочешь поговорить — я буду слушать. Без масок и игр »

Арина оторвала взгляд от страницы. В комнате стало тихо. Не той тишиной, которая бывает после дождя, а той, что остаётся после выстрела. Звук уже прошёл, а эхо всё ещё бьётся в стены.

В семнадцать она писала это с пониманием, что письмо ничего не изменило. Он не догадался. Не стал искать автора. Не изменил дистанцию. Для него это осталось просто текстом в ленте. Чужим голосом в шуме школьных чатов.

Она тогда ждала три дня. Потом неделю. Потом месяц. Ловила каждое его движение, каждое слово на уроке, надеясь найти отголосок. Но его взгляд оставался ровным. Его ответы — краткими. Его мир — закрытым.

Именно тогда она поняла главное: можно быть идеально «правильной», можно писать самые честные слова, можно ждать до бесконечности. Но если человек решил не видеть, ты не заставишь его посмотреть. Не властью. Не уязвимостью. Ничем.

Это не сломило её. Это её *разбудило*.

Впервые она перестала пытаться вернуть то, что ушло. Впервые приняла, что некоторые двери закрываются не потому, что ты стучишь не так, а потому что за ними уже нет комнаты.

Арина закрыла тетрадь. Убрала её на полку.

Завтра будет новый день. Новая встреча. Новые правила.

А пока — тишина. И право на паузу.

Глава 12. Звено

Дневник лёг на полку. Арина выдохнула. Прошлое осталось за стеклом. Впереди — экран, вкладки, разрозненные файлы. Работа.

Она открыла архив переписок. Прокрутила вниз, мимо учебных чатов и рабочих писем, пока не уперлась в дату: *«Полгода назад»*. Девушка из регионального архива. Та самая, что писала тогда: *«Нашла тетрадь Веры. Там есть про Орден. Хотите посмотреть?»*

Тогда Арина ответила вежливо: *«Спасибо, пока не актуально»*.

Она тогда ещё думала, что её проблема в голове. В «закате дара». В личной карме, в сломанном механизме влияния. Она не связывала семейную тайну с чужими архивами. Не видела системы. Видела только себя.

Теперь пазл сложился иначе.

Матвей. Его запросы. «Орден Власти». Контракты. Системные сбои. Он ищет структуру там, где она раньше видела только личную драму. Вера была не просто предком. Она была звеном. И этот дневник — не реликвия. Это инструкция. Или предупреждение.

Арина открыла чат с Матвеем. Пальцы зависли над клавиатурой. Старый рефлекс сработал, внутренний голос шепнул: *«А вдруг проигнорирует? А вдруг сочтёт навязчивой? Вдруг снова будет эта вежливая стена?»*

Она отбросила сомнения. Написала чётко. Без эмоций. Без намёков. Только факты и предложение.

«Привет. Наткнулась на старую переписку. Одна исследовательница нашла дневник Веры. Там есть упоминания Ордена. Я тогда не придавала значения. Если интересно, могу дать контакт. Дай знать, если хочешь организовать встречу»

Отправила.

Не ждала «печатает...». Закрыла чат. Убрала ноутбук. В комнате стало тихо.

Впервые за долгое время она не ждала чуда. Не ловила взгляды. Не писала в пустоту. Она сделала ход. Мяч на его стороне.

И тихая уверенность: если дверь откроется, она войдёт. Если нет — закроет сама.

Арина встала. Подошла к окну. Город жил своей жизнью. Машины, люди, свет в окнах. Никто не знал про контракты. Про подписки. Про то, что чья-то сила когда-то имела срок годности.

Но она знала. И теперь знала, куда смотреть.

Завтра будет ответ. Или тишина. И то, и другое — уже не приговор. А просто следующий шаг.

Глава 13. Повод

Арина открыла чат с Надей. Не стала подбирать слова, писать длинные вступления. В тексте отразила только суть.

«Привет. Это Арина. Насчёт дневника Веры. Если ещё актуально, то можем встретиться в Торжке. Я с коллегой. Когда тебе удобно?»

Отправила сообщение и убрала телефон.

Ответ пришёл быстро. Без лишних вопросов.

«Здравствуйте. Дневник у меня. Приезжайте в субботу. Адрес: ул. Красная, 14. Дом с зелёными ставнями»

Арина перечитала. Записала в блокнот адрес. Закрывает чат.

Перешла в диалог с Матвеем.

«Надя согласилась. Торжок, суббота. Адрес получила. Поедешь?»

Он ответил почти сразу.

«Да. Выезд утром. Скинь адрес»

Арина откинулась на спинку кресла. В комнате было тихо.

Она смотрела на экран, где висело его последнее сообщение, и честно призналась себе: дневник — это только предлог.

Настоящая причина была в другом. Её тянуло к нему. Физически, сильно, пугающе. И больше всего её сейчас беспокоил не этот странный дневник, не мистический Орден и не поездка в неизвестность. Её беспокоил он. То, как он реагирует на эту информацию. То, куда это может завести.

Она открыла календарь. Поставила отметку: *«Суббота. Торжок»*.

Завтра начнутся сборы. А пока — только это решение. Ехать.

Глава 14. Торжок

Четыре часа дороги. Ровный гул мотора, мелькающие за окном берёзы и сосны.

Арина и Матвей сидели через проход. Не разговаривали. Не потому что поссорились или дулись, просто каждому нужно было своё пространство. Матвей уткнулся в телефон. Арина смотрела в окно, отмечая для себя смену пейзажей, но мысли были где-то внутри.

Она думала о том, зачем они едут. Официальная версия — исторический интерес, редкий источник. Неофициальная — проверить его. Посмотреть, как он поведёт себя в другой обстановке. И, может быть, понять, почему её так тянет к нему, даже в этом шумном автобусе.

Торжок встретил их тихо. Без пафоса. Просто старый город, где время течёт чуть медленнее, чем в Москве.

Дом на улице Красной был ровно таким, как был описан в сообщении. Белокаменный. Ставни на окнах окрашены в глубокий зелёный цвет. Большой чистый двор. Никакой запущенности, никакого налёта старины. Обычный жилой дом, в котором живут люди.

Арина выдохнула. Где-то в глубине души жила иррациональная надежда (или страх), что место будет особенным. Но место было обычным.

Дверь открылась до того, как они успели постучать.

На пороге стояла девушка с прямыми тёмными волосами, собранными в хвост. Глаза живые, с любопытством. Никакой мистики, никаких «вещих» взглядов. Просто девушка, которая ждала гостей.

— Здравствуйте, — улыбнулась она, пропуская их в прихожую. — Вы, наверное, устали с дороги. Проходите, раздевайтесь. Я стол накрыла.

Обед прошёл в спокойной беседе. Надя (именно так она представилась) оказалась хозяйственной и приветливой. Говорила о том, что в Торжке тихо, что учиться в городе скучновато, но домой тянет всегда. О прошлом дома упомянула вскользь: «Бабушка переписала на родителей, я тут живу во время каникул».

Потом она встала, прошла в соседнюю комнату и вернулась с темным предметом в руках. Дневник.

Он лежал на скатерти между тарелками. Толстая тетрадь в твёрдом переплёте.

— Нашла его два года назад, — сказала Надя, садясь обратно. — Мне тогда шестнадцать было. Разбирала на чердаке старые коробки, искала ёлочные игрушки к Новому году. А он на дне лежал, пыльный. Я сначала хотела выбросить. Но открыла и не смогла.

Она провела пальцем по крышке.

— Читаю иногда. Странные записи. Как исповедь. Не поняла до конца. Но решила, что раз вы историки, вам виднее.

Матвей, который до этого ел, молча, отложил вилку. В его глазах загорелся тот самый профессиональный интерес.

— Можно посмотреть? — спросил он.

— Конечно, — Надя подвинула тетрадь к нему.

Матвей аккуратно открыл первую страницу. Пробежался взглядом по строчкам.

— Я выйду в сад, — сказал он, поднимаясь. — Там светло, воздух свежий. Так лучше читается.

Он кивнул Арине и вышел через заднюю дверь, которая вела в небольшой, ухоженный сад.

В кухне остались только девушки. Стало тише. Слышно было только тиканье часов на стене.

Арина наблюдала за Надей. Та нервно теребила край скатерти.

— Вам чай? — спросила Надя, но тут же осеклась. Взгляд её стал чуть отсутствующим.

— Надя, — тихо позвала Арина. — Вы сказали, что не смогли его выбросить. Почему?

Надя помолчала. Подняла глаза на Арину. В них читалось замешательство, словно она сама до конца не понимала того, что собирается сказать.

— Знаете это звучит глупо, — начала она тихо. — Но с тех пор, как я принесла его с чердака мне начала сниться девушка.

Арина насторожилась.

— Каждую ночь, — продолжила Надя, глядя куда-то поверх головы Арины. — Она приходит во сне. Стоит в комнате, смотрит на меня. Ничего не говорит. Просто смотрит. Долго.

— И кто она? — спросила Арина. — Автор дневника?

— Не знаю, — Надя пожала плечами, и в этом движении было столько искренности, что Арина поверила ей сразу. — Я её лицо вижу чётко. И мне кажется мне кажется, я её знаю. Где-то видела. Но не могу вспомнить — где. Будто это кто-то из моего детства, или из книжки, или не знаю. Но она мне не чужая.

Надя замолчала. В саду, за окном, послышался шорох — это ходил Матвей, погружённый в чтение чужих мыслей столетней давности. А в кухне повисла тишина, в которой вдруг отчётливо прозвучало эхо чужого сна.

Глава 15. Дневник

Матвей сидел на скамейке в глубине сада. Вокруг шумели деревья, но здесь, за стеной дома, звук был другим — глухим, ватным.

На коленях лежала толстая тетрадь. Он открыл её, пролистал начало, игнорируя длинные лирические отступления. Почерк менялся: то размашистый, то сжатый до дрожи. Слова вроде «сердце», «взгляд», «навсегда» он пропускал. Для него это был шум. Фоновые данные, которые не несли структурной нагрузки.

Ему нужны были события. Логика.

Он остановился на середине. Дата: «12 мая».

«Сегодня Игнат пригласил меня на собрание Ордена. Он посмотрел мне в глаза и сказал: "Ты готова". Я не спросила — к чему. Я просто кивнула. Это значит, что я ему стала ближе. Он мне стал доверять. Теперь я тоже часть чего-то большего»

Матвей перечитал последнюю фразу. *«Теперь я тоже часть»*. В его голове это звучало не как романтика, а как смена статуса доступа. «Готовность» — это критерий отбора. Доверие — это ключ. Игнат не просто пригласил девушку на встречу. Он вербовал. Включал в сеть.

Матвей поправил очки, перелистнул несколько страниц. Опять лирика, опять сны. И вдруг резкий обрыв. Почерк стал крупным, буквы плясали.

«Пол холодный, платье мокрое и грязное, кровь так и не отмылась до конца. Пальцы не слушаются, буквы плывут. Записываю, пока помню.

Это был старый кирпичный дом на отшибе. Заброшенный особняк. Мы зашли через чёрный ход. Нас было пятеро молодых: я, Игнат, ещё две девочки и один парень. Нам всем по шестнадцать-восемнадцать. Мы молчали. Игнат не смотрел на меня. Он смотрел вперёд.

В центре зала стояли трое. Взрослые силуэты в черных плащах. Лица скрыты масками. Горели свечи.

К нам вышла девушка в светлом длинном платье с бордовой каймой. В руках держала металлическую чашу. Она подошла к Игнату, он сделал глоток. Потом ко мне. Я глотнула. Горький травяной настой.

Дальше всё поплыло. Перед глазами замелькали стены, тени.

Я очнулась на возвышении. Холодный камень давил в спину. Меня держали за руки и ноги парень с девушкой. Я не могла пошевелиться. Игнат стоял надо мной. Он смотрел так, будто меня здесь нет. Будто я — предмет.

Он рванул платье. Ткань затрещала. Я закричала от боли и потеряла сознание. Когда открыла глаза, было темно, свечи потухли. Никого не было в доме»

Матвей медленно закрыл тетрадь. В саду стало слишком тихо.

Он смотрел на обложку дневника и пытался уложить информацию в привычную схему. В его мире всё имело функцию. Код выполнял задачу. Ошибка приводила к сбою.

Здесь была функция. Но не та, которую он ожидал.

Это не был хаос. Это не была спонтанная вспышка жестокости. Это был протокол.

Отбор: Игнат выбирает «доверяющую» (уязвимую).

Изоляция: Заброшенный дом.

Химическое воздействие: Настой (седатив? галлюциноген?).

Фиксация: Удержание, обездвиживание.

Действие: Насилие как акт передачи? Или акт разрушения?

Обнуление: Потеря сознания, пробуждение в пустоте.

Матвей провёл рукой по лицу. Внутри похолодело.

Он понял, что Игнат не жертва обстоятельств. Его прапрадед исполнитель, который знал, что делает.

Для Матвея это был не мистический ужас. Это было осознание того, что система работает через людей. Орден — это не просто группа фанатиков. Это механизм, у которого есть алгоритм. И Игнат был шестерёнкой в этом механизме. Он выполнял функцию «инициатора».

Матвей посмотрел на окно дома. Там, за стеклом, мелькнула тень Арины. Она там, с Надей. Она будет читать те же страницы, но искать там любовь, трагедию, судьбу. А он видел только схему.

Он снова открыл дневник, но не стал читать дальше. Ему не нужно было знать, что было потом. Ему нужно было переварить то, что было сейчас.

Вера писала о боли. Матвей видел баг. Баг в человеческой природе, который позволил превратить живого человека в инструмент. И самое страшное было в том, что инструмент работал чётко.

Он убрал дневник в сумку. Встал. Впереди был разговор. И он знал, что Арина увидит в этом историю проклятия. А он видел историю кода, который нужно взломать.

Глава 16. Эхо

Матвей тихо вошел в кухню. Арина сидела за столом, обхватив чашку с остывшим чаем. Надя уже вышла, оставив их одних.

Он положил на стол толстую тетрадь.

— Держи, — сказал он. Голос был ровным, но под глазами залегли тени. — Я основные страницы сфотографировал. Структуру зафиксировал.

Арина взяла дневник. Бумага была теплой, хранящей тепло его рук. Она провела пальцем по потертому корешку и открыла самую первую страницу.

Матвей вышел в сад. Арина осталась наедине с прошлым.

Она читала не как историк, а как женщина. С первых строк её накрыло волной нежности и щемящей тоски. Вера писала о доме по соседству. О том, как она подглядывала в щель забора. Об Игнате. О том, как он однажды посмотрел на неё, и мир перестал существовать.

Арина улыбалась сквозь слезы. Она понимала эту девочку. Понимала эту наивную, всепоглощающую веру в то, что если ты любишь достаточно сильно, мир ответит тебе взаимностью.

Но страницы сгушались. Нежность сменялась тревогой. Тревога — страхом.

Арина дошла до того самого дня. До собрания.

Она читала про кирпичный дом, про Тени в масках. Про молчание, которое давило на уши. И вдруг её взгляд зацепился за строчки, от которых внутри всё похолодело.

«К нам вышла девушка в светлом длинном платье с бордовой каймой. Она была красива. Очень красива. Но глаза у неё были чужие. Она подошла к Игнату, он выпил. Потом она подошла ко мне. Я пила из её рук. Она смотрела на меня и не моргала. В её взгляде не было жалости. Только холодное, расчетливое ожидание»

Арина сжала кулаки так, что побелели костяшки.

Она ненавидела эту девушку. Ненавидела всем существом, каждой клеточкой. Ей хотелось встать, схватить эту тетрадь и разорвать её, лишь бы не видеть этого описания. Девушка в светлом платье с бордовой каймой.

Кто она? Зачем она это сделала? Почему она стояла рядом, когда Игнат рвал платье? Почему она не остановила его? Почему она протянула чашу?

Арина чувствовала физическую тошноту. Она ощущала на себе тот самый холодный взгляд, чувствовала горечь травяного настоя, слышала треск разрываемой ткани. Боль Веры становилась её болью. Она плакала, не замечая слез, капавших на страницы.

Она ненавидела предательство. Ненавидела эту холодную красоту и расчетливость, которые позволили сломать чужую жизнь ради чего-то большего, чего Вера даже не понимала.

Арина захлопнула дневник. В комнате повисла тишина.

Она подняла глаза и посмотрела в окно, в сад. Там, на скамейке, сидел Матвей. Он смотрел в одну точку.

И в этот момент Арина понял. Она смотрела на потомка Игната. На того, чья кровь несла в себе этот холодный, разрушительный код. Но кто была она сама? Чья кровь текла в её жилах? Кого она только что проклинала всем сердцем, читая эти строки?

Она еще не знала ответа. Но где-то глубоко внутри, на уровне инстинкта, она почувствовала тяжелую, невидимую цепь, которая связывала её и Матвея. Цепь, выкованную в том самом кирпичном доме сто лет назад.

Она вытерла лицо рукавом. Встала. Ей нужно было выйти к нему. Поговорить. Понять, как жить дальше, зная то, что они теперь знали оба.

Глава 17. Зов крови

Арина перевернула страницу. Почерк Веры стал мелким, торопливым, будто она писала на бегу.

«Я вышла из дома. Ноги сами несли меня к озеру. Я вошла в воду прямо в платье. Было холодно, но мне было всё равно. Я терла руки, терла кожу, пока она не покраснела и не начала гореть. Я смывала с себя его запах, смывала грязь, смывала кровь. Вода вокруг меня стала мутной. Я смотрела на эти разводы и не чувствовала ничего. Только пустоту»

Арина медленно выдохнула. Она представила эту девочку, которая вернулась домой, не стала даже снимать одежду, а просто рухнула на пол и начала писать, чтобы зафиксировать этот кошмар, пока разум не отключился.

Следующая запись была от 17 мая. Буквы здесь были ровными, но нажим таким сильным, что бумага продавилась насквозь.

«Она зовёт. Я слышу её даже сквозь стены. Я больше не могу сопротивляться, моя кровь зовёт меня».

На этом страница обрывалась. Дальше была только пустая, пожелтевшая бумага.

Арина закрыла дневник. Руки дрожали. Она подняла глаза на Надю, которая сидела напротив, обхватив колени руками.

— Она утонула? — тихо спросила Арина.

Надя кивнула.

— Да. Через несколько дней после этой записи её нашли в озере. Мать Веры не выдержала. Она ушла в монастырь, а дом продала. Моим предкам. Они были дальними родственниками. Так этот дом и дневник оказались в нашей семье.

Арина посмотрела в окно. За садом, вдали, виднелась полоска леса.

— Покажи мне это озеро, — сказала она. — Пожалуйста.

Надя помедлила. В её глазах мелькнуло что-то похожее на страх, но она встала.

— Хорошо. Пойдём.

Они шли молча. Лесной запах отдавал сырой землёй. Воздух был холодным. Вот и озеро. Тёмная, неподвижная вода, затянутая тиной у берегов. Деревья нависали над гладью, как молчаливые свидетели.

Арина подошла к кромке воды. Она смотрела на тёмную поверхность и ждала. Ждала хоть какого-то отклика, хоть капли того ужаса, который она пережила, читая дневник.

Но ничего не было. Только спокойная, равнодушная вода. Арина чувствовала себя здесь просто наблюдателем. Ей было немного грустно, но не более.

Она обернулась и увидела Надю.

Девушка стояла в нескольких метрах от берега, вцепившись руками в ствол молодой берёзы. Костяшки пальцев побелели. Она не смотрела на Арину. Она смотрела на воду, и в её взгляде был животный, первобытный ужас.

— Надя? — окликнула Арина.

Надя вздрогнула, будто её разбудили.

— Я не подойду ближе, — сказала она глухо.

— Почему?

Надя медленно перевела взгляд на Арину. В её глазах стояли слезы.

— Потому что она тянет меня, — прошептала Надя. — Когда я стою здесь, я чувствую, как вода зовёт. Как будто там, на дне, кто-то ждёт. Мне хочется просто шагнуть вперёд. Просто войти и не сопротивляться.

Арина молчала. Она смотрела на эту хрупкую девушку, которая дрожала от одного вида озера.

Слишком личное, — мелькнуло у Арины в голове.

Но мысль тут же растворилась. Надя просто впечатлительная. Просто чувствует эхо этого места.

— Пойдём домой, — тихо сказала Арина, подходя к ней и взяв её за руку. Рука Нади была ледяной.

— Пойдём.

Они уходили от озера, а тёмная вода оставалась позади. Неподвижная. Ждущая.

Глава 18. Возвращение

Надя стояла у калитки, провожая их взглядом. Озеро осталось позади, скрытое деревьями, но она чувствовала его спиной.

Почему? — думала она, вцепившись в холодные прутья забора. — Почему вода так тянет?

Она вздрогнула от холодного ноябрьского ветра и быстро зашла в дом, захлопнув за собой дверь.

Автобус тронулся. Четыре часа обратной дороги.

Матвей и Арина сидели через проход, как в прошлый раз. Но теперь их молчание было другим. Тогда это было молчание незнакомцев. Сейчас — молчание соучастников, которые узнали друг о друге слишком много, но не знали, как это обсудить.

Матвей смотрел в темное окно, видя в отражении только свои очки и размытые огни трассы. В голове крутился образ Игната. Прапрадед. Матвей пытался разложить всё по полочкам, как он делал всегда. Но на этот раз не получалось. Игнат не был просто жестоким. Он был функцией. Он подчинялся Теням.

Матвей сжал челюсти. Он чувствовал это. Где-то глубоко, на уровне инстинктов, он чувствовал этот код. Желание контролировать. Желание, чтобы всё шло по его алгоритму. В университете он не тянулся к власти, но когда кто-то пытался навязать ему чужую волю, внутри поднималась холодная, тяжелая волна сопротивления.

Что ждёт меня? — мелькнула страшная мысль. Если я не сломаю это... Система выдаст мне роль. Начальник. Хозяин. А может... тот, кто стоит во главе Ордена? Тот, кто носит маску?

Он закрыл глаза. Нет. Он не будет играть по этим правилам. Он взломает этот код, даже если придется переписать себя с нуля.

Арина сидела, обхватив себя руками. Куртка не спасала от холода. Перед глазами стояла девушка в светлом длинном платье с бордовой каймой.

Арина ненавидела её. Но сегодня, на берегу озера, когда Надя дрожала от страха, эта ненависть изменилась. В неё ещё что-то просочилось.

Арина закрыла глаза, и перед внутренним взором снова возникло это платье. Легкая ткань, тяжелая бордовая кайма, падающая складками до пола.

Где я это видела? Она не видела этого платья в музее. Не видела в кино. Но она знала эту ткань.

Откуда? — думала Арина, и по спине пробежал холодок. — Откуда я знаю это платье?

Она украдкой посмотрела на Матвея. Он сидел неподвижно, уставившись в окно. Потомок Игната. А она... кто она?

Автобус мчался по трассе, увозя их из Торжка.

Но то, что они увозили с собой, было тяжелее любого багажа.

Глава 19. Две сестры

Арина стояла перед шкафом, где хранились все семейные альбомы. Их было много — толстые, потрёпанные временем, с пожелтевшими уголками. Она не знала, что именно ищет.

Пальцы скользнули по корешкам. Один, второй, третий... И вдруг рука сама потянулась к старому зелёному альбому в кожаной обложке. Он был тяжелее других.

Арина села на кровать, открыла. Первые страницы — чёрно-белые фотографии пятидесятих, шестидесятых. Лица, которые она не знала. Подписи, сделанные аккуратным почерком бабушки.

Она перелистывала медленно, пока не замерла.

На фотографии стояли две девушки. Рядом, почти одинакового роста, с похожими чертами лица. Но какие разные...

Одна — в светлом платье с бордовой каймой. Девушка смотрела прямо в камеру. И в её взгляде было что-то такое, от чего по спине пробежал холодок. Высокомерие? Вызов? Или знание чего-то, чего не знали другие?

Вторая девушка — в тёмно-синем платье с белыми кружевами. Она стояла чуть позади, словно боялась заслонить собой первую.

Арина посмотрела на подпись: «Екатерина и Елизавета. Август, 1920 год».

— Мам! — позвала она. Голос прозвучал громче, чем она хотела.

Мама вошла через минуту, вытирая руки о полотенце.

— Что случилось?

— Кто эти девушки?

Мама взяла альбом, посмотрела. И вдруг лицо её стало серьёзным и задумчивым.

— Это твои прапрабабушки, — сказала она тихо. — Родные сёстры. Погодки.

— Расскажи мне про них.

Мама села рядом, провела пальцем по фотографии.

— Они были очень похожи. Тихие, спокойные. Но... — она замолчала, подбирая слова.

— Что «но»?

— Когда Кате исполнилось шестнадцать, она изменилась. Стала пропадать по вечерам. Говорила, что гуляет около озера. Лизу с собой не брала, та оставалась дома.

Арина почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. Озеро. То самое озеро, куда тянет Надю.

— А потом? — спросила она.

— Потом она стала дерзкой, высокомерной. Поменяла причёску — до этого носила косы, а тут вдруг распустила волосы, завивала их. Стала носить яркие платья, красить губы. Что-то изменилось в её поведении, в том, как она смотрела на людей.

Мама покачала головой.

— У неё появилось много поклонников. К ней сватались несколько раз. Но она всем отказывала и над всеми смеялась. Так продолжалось до двадцати лет.

— До двадцати? — переспросила Арина.

— Да. Потому что в город вернулся Александр.

— Кто?

— Парень, который жил по соседству. Катя с детства была влюблена в него. Но когда ей было шестнадцать, Александр внезапно уехал. Ему тогда было двадцать.

Мама перевернула страницу, нашла другую фотографию. Молодой человек в костюме, с серьёзным взглядом.

— Говорили, что он сбежал от невесты. У него была невеста Мария, они готовились к свадьбе. Но за несколько дней до неё Александра как подменили. Он никому ничего не объяснил, просто собрал вещи и уехал.

— Куда?

— В другой город. Никто не знал точно, куда именно. Вернулся он только через четыре года. И женился на Екатерине.

Мама закрыла альбом.

— Вот такая история.

Арина сидела молча. В голове роились вопросы. Шестнадцать лет. Озеро. Резкое изменение. Александр, сбежавший от невесты именно тогда, когда Кате было шестнадцать.

Она посмотрела на свои руки. Те же пальцы, что держали дневник Веры. Та же кровь, что текла в жилах Екатерины.

— Спасибо, мам, — сказала она, наконец.

Мама вышла. Арина открыла альбом снова, посмотрела на фотографию. Две сестры. Такие похожие и такие разные.

Что случилось с Екатериной у озера в шестнадцать лет? Почему она изменилась? И при чём здесь Александр, сбежавший от невесты?

Арина закрыла глаза. В голове начали складываться кусочки. Но картинка ещё не была полной.

Завтра она начнёт сопоставлять факты. Завтра она попробует понять, почему всё произошло именно так.

А сегодня она просто смотрела на фотографию и чувствовала, как что-то внутри неё отзывается. Что-то древнее. Знакомое. Будто она уже знала эту историю. Будто она уже жила ею.

Глава 20. Цена протокола

Арина сидела за столом. Перед ней лежал чистый лист бумаги, ручка и фотография двух сестер. 1920 год. Екатерине шестнадцать.

В голове крутились мысли, которые она выстроила из обрывков маминого рассказа, старых дневников и собственных заметок. Она проводила линии, сопоставляла даты, искала причинно-следственные связи. Только вместо сухих исторических фактов перед ней были живые, сломанные судьбы.

«1920 год. Екатерине шестнадцать. Она начинает ходить к озеру», — написала Арина.

Она остановилась, постукивая ручкой по столу. Озеро. Надю тянуло к воде. Екатерина ходила туда «гулять». Но Арина уже знала про дом. Про тот самый особняк на берегу, где собирались участники Ордена. Где проходила инициация.

Екатерина не гуляла. Она ходила на собрания. Она была частью системы.

Арина провела черту под словом «озеро» и написала рядом: *«Место инициации»*.

Дальше шел Александр. Ему тогда было двадцать. У него была невеста Мария. Свадьба назначена. И вдруг, за несколько дней до торжества, он собирает вещи и сбегает. Без объяснений. В другой город.

Арина посмотрела на даты. Екатерина и Игнат родились в одном году — в 1904-м. Значит, инициация происходила, когда им было по шестнадцать.

Она закрыла глаза, пытаясь увидеть эту картину. Молодой парень, который любит свою невесту, готовится к свадьбе. И вдруг — пустота в глазах, собранные вещи, поезд.

Люди не меняются за один день. Не бросают любимую женщину, не разрушают собственную жизнь без причины. Если только эта причина не находится снаружи. Если только его волю не подчинили.

Арина открыла глаза и посмотрела на параллельные линии на бумаге.

Игнат — главный участник. Екатерина играла второстепенную роль. Она получила свой приз — власть над мужчинами, чтобы подчинить себе Александра и выйти за него замуж.

Но система не дает ничего просто так. У каждого действия есть обратная сторона — расплата.

Арина медленно выдохнула. Воздух в комнате показался ей ледяным.

Она поняла, кто был платой. Вера.

Инициация требовала жертву. Чтобы Екатерина получила власть над мужчинами, кто-то должен был быть полностью сломлен. Чья-то душа должна была стать топливом для этого ритуала. И этой душой стала Вера. Она была принесена в жертву.

Арина провела дрожащей рукой линию, соединяющую Екатерину, Игната и Веру. *«Система работает», — написала она.*

Четыре года спустя Александр вернулся. Екатерине было двадцать. Ритуал завершен. Приз получен. Он женился на ней. Не потому что любил. А потому что его воля была перекроена. Он стал её собственностью.

Арина отложила ручку. Посмотрела на свои руки.

Вспомнила Серёжу, который бил Димку в челюсть. Вспомнила мальчиков, которые ломали друг другу носы в школьном дворе. Вспомнила свою «норму».

Она думала, что это просто харизма. Просто дар.

Но теперь она знала правду. Этот дар передавался по крови. Но он не был вечным. В какой-то момент он начинал угасать, снижаться, а потом и вовсе переставал работать.

У Арины это произошло в шестнадцать лет. Сейчас ей восемнадцать. Дар молчит. Она снова стала невидимой.

И тут в её голове всплыло то, о чем она старалась не думать. То, что она знала интуитивно, читая старые записи и чувствуя эту связь.

Дар можно было вернуть. Протокол допускал перезапуск. Но для этого требовалась новая жертва. Нужно было выбрать человека. Сломать его. Уничтожить его волю так глубоко и беспощадно, чтобы он не выдержал и покончил с собой. Только ценой чужого самоубийства система получала энергию для нового цикла.

Или она могла ничего не делать. Оставить всё как есть. И тогда дар умрёт. Род «Роковых женщин» прервется на ней. Навсегда.

Арина посмотрела на фотографию Екатерины. Та смотрела на неё с вызовом. С гордостью.

— Ты знала, — прошептала Арина. — Ты знала, чьей ценой ты это получила.

В комнате было тихо. Но в голове Арины уже звучал другой вопрос. Тяжелый. Неотвратимый.

Кого она выберет, если решит вернуть себе силу? И хватит ли у неё сил отказаться от неё навсегда?

Глава 21. Цифровой след

Матвей сидел за столом. На мониторе были открыты вкладки исторических форумов и краеведческих сайтов Тверской области.

— Алекс, найди все упоминания особняков на берегу озера в радиусе пяти километров от центра Торжка, период с 1900 по 1925 год, — сказал он вслух.

Голос ИИ, спокойный и ровный, отзывался из колонок: *«Найдено 14 объектов. Семь из них — частные виллы, три — дачи купцов, два — пансионаты. Один объект не имеет точной идентификации. В кадастровых записях 1912 года упоминается как "дом у воды", принадлежавший некоему "Обществу взаимопомощи". Адрес совпадает с тем, что ты отмечал»*.

Матвей нахмурился. «Общество взаимопомощи». Звучит невинно. Но он уже знал, что за такими названиями часто прятались закрытые клубы.

— Покажи все документы по этому адресу.

На экране появились отсканированные страницы.

Матвей зарегистрировался на трех исторических форумах. Под разными именами. Начал писать сообщения:

«Ищу информацию о старых особняках в Торжке. Интересует архитектура начала 20 века. Есть ли сохранившиеся фотографии?»

«Кто-нибудь слышал про закрытые общества или клубы по интересам в Тверской губернии 1910-1920 годов? Пишу статью про местную историю».

«Мой дедушка упоминал, что в молодости посещал некое "собрание" у озера. Не помню деталей. Может, кто-то знает, что это было?»

«Ищу информацию о старом доме на берегу озера под Торжком, начало 1900-х. Говорят, там собирались местные жители. Может, кто-то слышал об этом от старших родственников?»

Отправил. Закрыл ноутбук.

Два дня тишины. Только боты да пара спамеров. Матвей проверял форумы каждые несколько часов. Ничего.

На третий день вечером, когда он уже собирался ложиться спать, пришло уведомление в личку от пользователя с ником V_K.

«У меня есть информация по вашему запросу».

Матвей написал: *«Здравствуйте. Мой предок был связан с этим местом. Я пытаюсь разобраться в его прошлом».*

Ответ пришел быстро: *«Меня зовут Вадим. Мой прапрадед оставил мемуары. Там подробно описано, как устроен Орден и что там происходило».*

«Я хочу это прочитать, — написал он. — Пожалуйста».

«Там много страниц. В переписке это не обсудить, — ответил Вадим. — Если вы действительно хотите разобраться, давайте встретимся».

«Где и когда?»

«Завтра в 14.00. Кафе на Тверской. Я буду в серой куртке».

Матвей закрыл ноутбук. Экран погас, и комната погрузилась в темноту. Но в голове у него было светло и ясно. Цифровой поиск закончился. Завтра начиналось настоящее расследование.

Глава 22. Тени

В кафе на Тверской было шумно, работала кофемашина, раздавался гул посетителей. Вадим сидел напротив Матвея.

— Вот, — Вадим протянул через стол черную флешку. — Там всё. Оцифрованные мной рукописи, мои комментарии. Прадед писал это в конце жизни.

Матвей взял флешку. Пластик был холодным.

— Спасибо. Я разберусь.

— Просто прочитайте, — тихо сказал Вадим, поднимаясь. — И поймите, что ваш предок был не просто участником. Он был создателем этого ада.

Дома Матвей вставил флешку в ноутбук. На экране появилась папка с названием «Наследие К.Н.». Внутри размещались десятки текстовых файлов и сканов пожелтевших страниц.

Он открыл первый документ.

«Я пишу это в 1968 году. Мне шестьдесят три года, и я до сих пор просыпаюсь по ночам от запаха озерной тины и гудения свечей. Мое имя Константин. В 1920 году мне было пятнадцать, и я совершил ошибку, которая стоила жизни девушке по имени Вера».

Матвей наклонился ближе к экрану.

«Той осенью я часто рыбачил на озере. Ночью клевало лучшее, и я любил эту тишину. Однажды, в конце октября, я увидел в заброшенном доме на берегу свет. Не огонь, а ровное, почти синее свечение. Любопытство оказалось сильнее страха. Я подкрался к окну.

Меня заметили. Дверь открылась, и меня втянули внутрь. Я думал, меня убьют. Но трое мужчин, сидевших за столом, лишь усмехнулись. Они были одеты в странные костюмы, от них веяло холодом. Они предложили мне остаться, стать помощником. Я приносил дрова, следил за свечами, записывал их речи».

Матвей открыл новый файл в блокноте и начал делать заметки: «Три Тени. Основатели. Возраст на вид — 40-50 лет».

Он продолжил читать.

«Они называли себя Инициаторы. Я долго не понимал, что это значит. Они говорили о мире как о ткани, которую можно перекраивать. Они искали способ подчинить себе не просто людей, а саму реальность. Они называли это "абсолютным диктатом воли". Но их собственные умы были слишком жесткими, слишком пропитанными опытом. Им нужны были чистые сосуды. Молодые умы, способные вместить эту силу и не расколоться».

Матвей замер. Чистые сосуды. Он продолжил читать.

«Первой они заметили Екатерину, — продолжал текст Константин. — Ей было шестнадцать. Она часто гуляла у воды. Они позвали её, и она пришла. В ней была та самая женская сила, которую они искали — сила подчинять инстинкты.

Но для их замысла нужен был и мужчина. Сосуд для доминирования. И тогда пришел Игнат».

Сердце Матвея пропустило удар. Он вчитался в строки, написанные дрожащим почерком старика.

«Игнату тоже было шестнадцать. Он пришел целенаправленно. Я слышал его разговор с Инициаторами. Он говорил, что хочет, чтобы мир лежал у его ног, чтобы люди повиновались ему без слов. Они смотрели на него с одобрением. Он для них был идеальным инструментом».

Матвей закрыл глаза. Его прапрадед. Шестнадцатилетний мальчишка, который сам пришел к монстрам, потому что хотел власти.

«Я был там, когда они готовили Ритуал, — писал Константин. — Инициаторы объяснили, что для запуска механизма, для "взлома" реальности и перенастройки Игната и Ека-

терины, нужен катализатор. Колоссальный выброс энергии. Нужна была душа, которую они могли бы полностью сломать, чтобы запустить систему».

Матвей судорожно сглотнул. Он знал, что будет дальше. Но читать об этом было невыносимо.

«Игнат привел её сам. Веру. Свою невесту. Он сказал ей, что это тайное общество поможет им обрести счастье. Она доверяла ему, смотрела на него с любовью, а он... он смотрел на неё как на расходный материал».

Текст обрывался. Следующий файл назывался «Инициация».

Матвей посмотрел на часы. Было три часа ночи. За окном Москва спала, но в его голове рушился весь привычный мир. Он открыл свой блокнот и написал одну фразу, подчеркивая её три раза:

«Орден — это не просто секта. Это хакеры реальности. Игнат был не жертвой. Он был соучастником».

Он снова открыл файл «Инициация». Ему предстояло узнать, что именно произошло в ту ночь. И он знал, что после этого он уже не сможет смотреть на себя в зеркало так же, как раньше.

Глава 23. Пробуждение

Матвей открыл файл «Инициация». Но текст, который он увидел, описывал не сам ритуал. Константин не стал писать о том, что произошло, когда его разум отключился. Он описал то, что было сразу после.

Матвей начал читать.

«Я не помню, как потерял сознание. Помню только давление. Не физическое, а ментальное. Воздух в комнате стал густым. В висках пульсировала чужая, тяжёлая воля. Я держал Веру за плечи, чувствуя, как она дрожит, и в какой-то момент понял, что дрожу сам. Звук в ушах превратился в нестерпимый звон, перед глазами поплыли чёрные пятна, и я просто рухнул в темноту.

Очнулся я на земле. Холодная, мокрая трава облепила моё лицо. Над головой простиралось темное, усыпанное звездами небо. С озера тянулся запах тины. Я не знал, сколько времени прошло. Часы остановились. В ушах стояла мертвая тишина. Я подумал, что оглох.

Встав на ноги, я пошатнулся и пошёл домой. Шел по лесной тропе, как автомат, не чувствуя холода, не чувствуя страха. Только одна мысль крутилась в голове: я больше никогда не вернусь туда».

Матвей откинулся на спинку стула, потирая переносицу. Ему нужно было переварить прочитанное. Но текст не давал передышки. Следующий абзац был написан другим почерком — более резким, нервным.

«Дома я заперся в комнате. Сидел на кровати, обхватив голову руками, и пытался вспомнить всё, что слышал за эти месяцы. Всё, что они говорили при мне, считая меня невидимым мальчишкой, который нужен лишь для того, чтобы подбрасывать дрова и мыть полы.

Тогда, в пятнадцать лет, я не знал этого слова. Я узнал его позже, в городской библиотеке, когда пытался найти объяснение тому, что видел. Масонство. Масонская ложа.

Три Тени не были просто местными мистиками или шарлатанами. Они были из высшего круга тайной ложи. Для них Великий Архитектор Вселенной был не метафорой. Они верили, что нашли сам чертеж, сам проект, по которому построено человеческое сознание.

Их цель была не в духовном совершенствовании. Их цель была в перестройке самого проекта. Они считали свободу воли главной ошибкой, которая приводит к хаосу. Они хотели переписать этот проект.

Я сидел на кровати и смотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали. Я держал ту, чью душу принесли в жертву ради того, чтобы трое мужчин могли стать архитекторами нового мира.

Я понял тогда, что не могу просто уехать и забыть. Я должен был это записать. Потому что если они создали этот механизм... значит, он всё ещё работает».

Текст обрывался.

Матвей медленно закрыл ноутбук. В комнате было тихо. Он сидел и смотрел в темный экран своего монитора. Масонская ложа. Великий Архитектор. Перестройка сознания.

Он не знал об этом ничего. Для него масоны были просто персонажами из фильмов про заговоры и золотые монеты. Но то, что описывал Константин, было страшнее любых киношных штампов. Это была холодная, расчетливая инженерия человеческих душ.

Матвей открыл ноутбук снова. Вбил в поисковую строку одно слово: «Масонство». Нажал Enter.

Глава 24. Великий Архитектор

Матвей открыл новую вкладку. Курсор мигал в поисковой строке, как пульс. Он вбил: *«Масонство Великий Архитектор Вселенной»*.

Нажал Enter.

Экран заполнился. Статьи из Википедии, посты на форумах про «мировое правительство», картинки с пирамидами и всевидящим оком на долларах, видео с заголовками «Масоны раскрыли правду!».

Матвей поморщился. Мусор. Конспирологический шум, в котором невозможно было найти зерно истины. Он кликнул на первую ссылку. Сухая энциклопедическая справка: «Великий Архитектор Вселенной (В.А.В.У.) — масонское обозначение высшей силы, абстрактного принципа мироздания...»

Абстрактного принципа. Звучало красиво, но пусто.

— Алекс, — сказал Матвей вслух, откидываясь на спинку стула. — Это бесполезный материал. Покажи мне первоисточники. Труды масонов 18-19 веков. Философские работы. Убери всю современную конспирологию.

— Поняла, — отозвался ровный голос ИИ. — Фильтрую запрос. Исключаю современные сайты, форумы, видеохостинги. Подключаюсь к цифровым архивам: Gallica, Internet Archive, библиотека Герметизма. Ищу труды Альбера Пайка, Джона Лоуленда, Алистера Кроули, русских мартинистов.

На экране замелькали строки кода. Через минуту поисковик преобразился. Вместо пестрых картинок появились сканы старых книг, пожелтевшие страницы с готическим шрифтом, академические статьи на французском и английском.

Матвей открыл первый документ. Это был фрагмент из «Морали и Догмы» Альбера Пайка, одного из самых влиятельных масонов 19 века. Он читал медленно, вчитываясь в каждое слово:

«Великий Архитектор Вселенной — это не бог церквей. Это не личный бог, который карает и милует. Это Разум, спроектировавший космос. Это Закон, по которому движутся звезды и атомы. Для масона В.А.В.У. — это Великий Архитектор, начертивший план мироздания».

Матвей перечитал последнюю фразу. *Великий Архитектор, начертивший план мироздания.*

Он вспомнил слова Константина: *«Они верили, что нашли сам чертеж, сам проект, по которому построено человеческое сознание».*

— Совпадение? — пробормотал Матвей.

— Вероятность случайного совпадения терминологии крайне мала, — ответила Алекс, которая, видимо, отслеживала его размышления. — Концепция В.А.В.У. как Архитектора и Геометра является центральной в масонской философии. Если твои «Тени» использовали эту терминологию, они сознательно опирались на масонскую доктрину.

Матвей кивнул, хотя Алекс этого не видела. Она открыла другой файл. Это был перевод старого масонского катехизиса, ритуального текста, которым обучали посвященных.

«Вопрос: Что ищет масон? Ответ: Свет. Вопрос: Что есть Свет? Ответ: Познание Закона, по которому Великий Архитектор построил Вселенную. Ибо, познав Закон, мы можем стать со-творцами, а не просто творениями».

Матвей замер. *Стать со-творцами.*

Он откинулся на спинку кресла, и в голове начала складываться пугающая картина. Масоны говорили о духовном совершенствовании. О том, что человек должен познать закон, чтобы стать лучше, нравственнее, чтобы построить «Храм Человечества» из себя самого.

Но Тени... Тени поняли это буквально.

Они не хотели «строить храм» через мораль. Они хотели стать «со-творцами» в самом грубом, техническом смысле. Они хотели не познать Закон, чтобы следовать ему. Они хотели познать его, чтобы *переписать*.

— Алекс, — сказал Матвей тихо. — Найди мне информацию о том, как масоны понимали роль человека в этом «проекте». Были ли течения, которые считали, что человек может не просто познать замысел Архитектора, но и изменить его?

— Ищу, — ответил ИИ. — Подсказка: такие течения существовали. Они назывались «левый путь» в масонстве, или «теургические кружки». Особенно распространены были в начале 20 века.

Матвей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Россия. Начало 20 века.

Он снова посмотрел на скан старой книги. На пожелтевшую страницу, на которой кто-то столетие назад писал о Великом Архитекторе.

Тени не были просто местными сумасшедшими. Они были частью чего-то гораздо большего. Древнего, философски обоснованного, растянутого на века. Они считали себя наследниками этой традиции. И они использовали её, чтобы оправдать то, что сделали с Верой.

Матвей закрыл глаза. Ему нужно было перевести дух. Но он знал, что остановиться уже не сможет.

— Показывай, — сказал он. — Показывай мне этот «левый путь». И покажи, кто в России этим занимался.

Глава 25. Тёмная теургия

— Показывай, — сказал Матвей, вглядываясь в темный экран. — Показывай мне этот «левый путь». И покажи, кто в России этим занимался.

Курсор замер. Алекс обрабатывала запрос.

— В классическом масонстве, — начал ИИ ровным голосом, — существовало разделение на «белую» и «тёмную» теургию. Белая теургия — это союз с высшим, духовное преображение себя. Тёмная теургия, или «левый путь», — это попытка подчинить законы мироздания личной воле. Воздействие на реальность и других людей без их согласия.

Матвей кивнул. Это было именно то, что описывал Константин.

— В Западной Европе «левый путь» оставался маргинальным, — продолжил Алекс. — Но в Российской империи начала двадцатого века ситуация была иной. После ослабления цензуры в 1905 году произошёл взрыв оккультного интереса. Классическое масонство, мартинизм, розенкрейцерство и русский народный мистицизм слились в единый поток.

На экране появились сканы старых журналов, афиш петербургских литературно-философских собраний и портреты людей с тяжелыми, отрешенными взглядами.

— В Петербурге и Москве действовали кружки, которые практиковали не просто моральное самосовершенствование, а «практическую магию воли», — пояснил Алекс. — Они верили, что посвященный может стать «человеко-богом», управляющим окружением через гипноз, психологическое давление и ритуальные практики.

Матвей потер уставшие глаза. «Человек-бог». Игнат.

— Найди пересечения, — попросил он. — Эти «практики воли». С кем они ассоциировались в истории? Кто был их самым ярким, пусть и неформальным, представителем?

— Анализирую исторические связи петербургских эзотерических салонов начала века, — отозвался Алекс. — Наиболее известной фигурой, чьи методы идеально описывают «тёмную теургию» в русском контексте, является Григорий Ефимович Распутин.

Матвей замер.

— Но важно уточнить, — добавил ИИ. — Исторический Распутин является загадочной личностью. Никто доподлинно не знает, кем он был на самом деле: старцем, сектантом, психологом или чем-то иным. Однако после его гибели в 1916 году его имя, аура и методы были подхвачены тeneвыми последователями. Они использовали его наследие как прикрытие для собственных экспериментов с сознанием и властью.

Матвей медленно перевел взгляд на папку с мемуарами Константина. Он открыл файл, который еще не читал. Он назывался «Гость».

«Конец 1919 года. Хозяева были в странном возбуждении. Они ждали человека из Петербурга. Я подметал пол в гостиной, когда он вошел. Я не увидел его лица сразу, но почувствовал запах — тяжелый, кислый, пахло немытым телом, дешевым табаком и сырой одеждой.

Он говорил хрипло, вставляя в речь странные, ломаные фразы, то ли молитвы, то ли заклинания. Архитекторы слушали его, затаив дыхание. Он говорил о том, что «грех очищает», что «чтобы управлять стадом, нужно сначала стать волком, а волк не боится крови». Он смеялся, и от этого смеха у меня холодела кожа.

Перед уходом он обернулся. Я увидел его глаза. Светлые, почти прозрачные, но в них стояла такая гипнотическая сила, что я не смог отвести взгляд. Он смотрел прямо в меня, и мне показалось, что он видит все мои мысли, все мои страхи. Он усмехнулся, перекрестился — широко, размашисто, почти грубо — и вышел. Архитекторы сказали, что он продолжает дело Сибирского старца. Что он принес им «ключ» к управлению волей».

Матвей судорожно сглотнул. Он открыл соседнюю вкладку, где висела картинка, которую алгоритмы подкинули ему несколько дней назад. Крупный план. Густые волосы, тяжелый

взгляд светлых, пронзительных глаз, грубоватая, почти звериная сила, скрытая под личиной странника.

Григорий Распутин.

— Алекс, — тихо сказал Матвей. — Сравни описание из дневника с известными историческими фактами о последователях Распутина и петербургских оккультных кружках.

— Совпадение поведенческих паттернов и описания методов составляет высокую вероятность, — ответил ИИ. — После 1916 года в подпольных кружках действительно действовали фигуры, которые мимикрировали под наследие Распутина, используя его техники гипнотического воздействия, разрушения социальных табу и подчинения через экстаз и страх. Хозяева, судя по тексту, искали именно этот «ключ» для завершения своего ритуала.

Матвей откинулся на спинку кресла. В комнате было тихо, но в его голове стоял оглушительный шум.

Три Тени. Масонская ложа. И этот «гость» из Петербурга.

Они не просто извратили европейское масонство. Они взяли его холодную, расчетливую философию и наложили на неё дикий, темный русский мистицизм. Они создали гибрид. Машину для взлома человеческих душ, которая работала на стыке рационального ритуала и иррационального экстаза.

Игнат был продуктом этой машины.

Матвей посмотрел на часы. Было четыре утра. Завтра ему нужно было идти на пары, делать вид, что он обычный студент. Но он знал, что обычным он уже никогда не будет. Он знал слишком много.

Глава 26. Варвара

Арина сидела на кухне. Мать медленно нарезала хлеб. Нож ритмично стучал по деревянной доске, отмеряя тяжелую тишину.

— Расскажи мне про Варвару, мою прабабку, — сказала Арина. Голос её был ровным, но внутри всё сжалось в холодный ком. — Не ту сказку, что для родственников. А ту, что была на самом деле. Почему в шестнадцать лет её дар исчез и как она его вернула.

Мать замерла. Нож опустил. Она медленно вытерла руки полотенцем, не глядя на дочь.

— Тебе зачем это? — в её голосе проскользнула паника.

— Потому что я чувствую, как оно уходит, — Арина сказала это тихо, но чётко. И я хочу знать, какой ценой она это удержала и передала дальше.

Мать вздрогнула. Она подошла к окну, посмотрела на серый двор, будто собираясь с мыслями для исповеди, которую откладывала всю жизнь.

— Варя была точь-в-точь как Екатерина. Та же кровь, тот же магнит. Женихи стояли в очередь. Но моя прабабка, её мать, была одержима статусом. «Этот богат, но прост. Этот из рода, но беден. Подождём». Она держала Варю, как трофей, пока девочке не исполнилось шестнадцать.

Мать повернулась. В её глазах стояла такая усталость, будто она несла этот груз десятилетиями.

— И в один день, летом сорок первого, всё исчезло. Варя плакала по ночам, замкнулась. Мать паниковала. Поняла, что «дар» ушёл. А без него в их мире они были никем. И тогда она отвезла Варю под Тверь. В глухую деревню, к женщине, которую местные шепотом называли «смотрительницей».

Арина сжала чашку в руках.

— Что она потребовала?

— Ничего, — мать сглотнула, её голос дрогнул. — Она посмотрела на неё и сказала: «Канал закрыт. Чтобы открыть его заново, нужна свежая, невинная кровь. И душа, которая добровольно эту кровь прольет».

Арина почувствовала, как по спине пробежал ледяной ток.

— Варя так и сделала?

— У них была соседка. Зина. Молодая, наивная. Её муж ушел на фронт в первые дни войны, а она осталась одна и случайно залетела. В сорок первом году аборт был уголовным преступлением. Зина металась, плакала, боялась позора. А Варя... Варя стала её «лучшей подружкой».

Мать закрыла лицо руками.

— Она шептала ей в уши. Убеждала, что ребёнок будет проклятием, что муж не простит, что жизнь кончена. Она сама нашла подпольную бабку-повитуху, сама привела туда Зину, сама держала её за руку, пока та кричала от боли на грязном столе. Зина выжила, но её матка была искалечена навсегда. Она никогда не смогла иметь детей. Её душа была сломана, выжжена дотла. А нерождённый ребёнок...

Мать замолчала. В кухне повисла невыносимая тишина.

— А к Варе дар вернулся в ту же ночь, — продолжила она шёпотом. — Ещё более сильный. Она вышла замуж за генерала. Родила единственную дочь Анастасию, мою бабку.

Арина смотрела на мать. Впервые она видела перед собой не родительницу, а звено в проклятой цепи. Женщину, которая всю жизнь знала эту страшную тайну и молчала.

— Ты знала, что это не магия? — тихо спросила Арина. — Что это сделка с чем-то чудовищным?

— Я знала, что это цена, — мать подняла на неё глаза, полные слёз. — Я боялась повторить её путь. Я не хотела замуж, не хотела детей. Я думала, что если я не буду пользоваться даром, он меня не тронет. Но кровь есть кровь. Система не прощает. Она просто ждёт, пока ты сама не придёшь к черте.

Арина кивнула. Встала, подошла к окну. За стеклом моросил дождь, размывая очертания города.

Теперь она понимала всё. Та «смотрительница» не была случайной деревенской ведьмой. Она была местным узлом той же сети, что собиралась в доме у озера. Те же правила. Те же контракты. Война 1941 года стала для них идеальной жатвой: отчаяние, страх, сломанные судьбы. Система питалась этим. И Варвара стала её идеальным проводником, принесла в жертву невинную жизнь ради собственной власти.

Арина посмотрела на свои руки. Дар молчал. Но он не исчез. Он ждал. Ждал, пока она выберет свой путь. Пока она найдёт кого-то слабого, доверчивого, и сломает его, чтобы перезапустить цикл.

Или пока она найдёт в себе силы разорвать эту проклятую цепь. И тогда дар умрёт. Навсегда.

— Спасибо, мам, — сказала Арина.

Мать ничего не ответила. Только тихо всхлипнула.

Арина вышла из кухни. В голове уже не было страха. Была ледяная, кристальная ясность. Завтра она начнёт искать способ не продлить контракт. А уничтожить его.

Глава 27. Донос

Ирина не спала всю ночь.

Она лежала в своей кровати, смотрела в потолок и слушала, как за стеной дышит дочь. После разговора о Варваре что-то внутри неё сломалось. Плотина, которую она строила десятилетиями, дала трещину, и теперь вода хлынула наружу, снося всё на своём пути.

Она ворочалась, включала свет, выключала. Снова включала. Сидела на краю кровати, обхватив голову руками. В голове крутились лица: Варвара, Настя, Александра. Её мать, её бабушка, её прабабка. Цепь проклятия, которая тянулась через поколения.

«Она должна знать», — думала Ирина. — «Она должна знать, до чего мы можем докапаться».

Когда за окном начало светать, она встала. Надела халат, прошла на кухню, поставила чайник. Руки дрожали, но она заставила себя успокоиться. Она решила: сегодня всё расскажет. Всю правду. О Насте. Об Александре. О себе.

Когда Арина вышла из комнаты, мать уже сидела за столом. Перед ней стояли две чашки чая. Она посмотрела на дочь, и в её глазах не было страха. Только решимость.

— Садись, — сказала Ирина. — Я расскажу тебе про Настю. Мою бабушку.

Арина села. Она видела, что мать не спала. Видела тени под глазами, дрожь в руках. Но также видела что-то новое: облегчение. Словно мать наконец-то решила сбросить этот груз.

— Настя родилась в сорок четвёртом, — начала Ирина, глядя в чашку. — У неё был тот же дар. Та же способность притягивать. Но в шестьдесят первом, когда ей исполнилось семнадцать, всё оборвалось.

Ирина горько усмехнулась.

— У неё был парень. Иван. Простой, хороший парень, из рабочей семьи. Они встречались со школы. А потом Иван вдруг перестал смотреть на Настю. Увлёкся другой. Машей. Девушкой с соседней улицы.

Ирина подняла на Арину глаза. В них читалась боль, которую она носила в себе, даже не будучи знакомой с этими людьми.

— Маша была из семьи священника. В шестьдесят первом году, Ариша, ты понимаешь, что это значило? Хрущёвская кампания. Гонения на церковь. Быть дочерью попа в то время — всё равно что носить на лбу клеймо врага народа. Маша ходила в церковь, помогала отцу. Она была светлой, тихой. Иван влюбился в неё по-настоящему.

Арина почувствовала, как сжимается желудок. Она уже знала, куда идёт этот рассказ.

— Настя не смогла это принять, — голос матери стал глухим, почти беззвучным. — Дар ушёл, а с ним ушло и всё её обаяние. Она осталась одна, а Иван смотрел на Машу так, как раньше смотрел на неё. И Настя... она не стала драться. Не стала умолять. Она пошла другим путём.

Ирина сглотнула, её пальцы вцепились в край стола.

— Она написала донос. В комсомол, в местные органы. Она донесла, что семья Маши ведёт антисоветскую агитацию, что отец использует несовершеннолетнюю дочь для религиозной пропаганды.

В кухне повисла тишина. Тяжёлая, удушающая.

— Машину семью репрессировали, — прошептала Ирина. — Отца арестовали, сослали. Мать с Машей выгнали из дома, они скитались, жили в нищете. Вся их жизнь была сломана. А Настя... Настя получила Ивана. Он был в шоке, в отчаянии от произошедшего, и Настя оказалась рядом. «Утешала». Через год они поженились. А потом родилась Александра. Моя мать.

Арина медленно выдохнула.

— А как же Иван? — спросила она. — Он так и не узнал?

— Узнал, — мать закрыла лицо руками. — Узнал, когда Саше было полгода. Кто-то из старых знакомых проболтался, или он сам нашёл какие-то бумаги. Не знаю. Но он понял, что его жена монстр. Что он живёт с женщиной, которая сломала жизнь невинной девушки и её семьи ради того, чтобы выйти за него замуж.

Ирина уронила руки на стол. По её щекам текли слёзы, но она не пыталась их вытереть.

— Иван запил. Жестко, беспробудно. Он не мог смотреть на Настю. Не мог смотреть на Сашу, потому что Саша была от него. Он пил, пока не сгорел изнутри. Умер рано, от цирроза. А Настя... Настя прожила долгую жизнь. Дар к ней так и не вернулся. Она умерла в одиночестве, озлобленная, никчёмная старуха.

Ирина посмотрела на Арину. В её взгляде не было осуждения. Только бесконечная, всепоглощающая усталость.

— Я рассказываю тебе это, чтобы ты поняла, — сказала она, и голос её дрогнул. — Чтобы ты увидела, до чего мы можем прийти. Мы не просто теряем дар, Ариша. Мы теряем человечность. Мы готовы уничтожить любого, лишь бы не чувствовать себя пустыми.

Арина смотрела на мать. На её морщинки, на седину у висков, на дрожащие руки. Она видела перед собой не просто женщину. Она видела звено цепи. Звено, которое сейчас пыталось разорвать эту цепь, выплёвывая из себя яд поколений.

— Я понимаю, мам, — тихо сказала Арина.

Ирина кивнула. Она знала, что это только начало. Завтра она расскажет об Александре. О её матери. А потом о себе. О той цене, которую она заплатила, чтобы родить Арину.

Глава 28. Попытка

Ирина налила себе ещё чаю. Руки больше не дрожали. Словно исповедь очистила её от чего-то тяжёлого, что она носила в себе десятилетиями.

— Теперь Александра, — сказала она, глядя на дочь. — Моя мать. Твоя бабушка.

Арина кивнула. Она чувствовала, что самое страшное ещё впереди.

— Александра родилась в шестьдесят четвёртом, — начала Ирина. — Она знала. Знала про Варвару, про Настю, про то, что их дар заканчивается в определённый момент. Она видела, как угасла Настя, как сломалась её жизнь. И она решила обмануть судьбу.

Ирина горько усмехнулась.

— В восемнадцать лет, в восемьдесят втором году, она вышла замуж. Выбрала парня, который ей нравился из тех, кто предложил. Думала: «Если я буду замужем, если создам семью, система не заберёт у меня дар. Или заберёт, но я успею закрепиться».

Ирина замолчала, вспоминая то, что ей рассказывала сама Александра, когда была ещё жива.

— Но система не обманывается так просто, Ариша. Дар не зависит от штампа в паспорте. Через три месяца после свадьбы муж охладел. Просто перестал замечать её. Он стал задерживаться на работе, находить предлоги, чтобы не приходить домой.

Ирина посмотрела на свои руки.

— А Александра уже была беременна. Мной. Она думала, что ребёнок всё исправит. Что дар вернётся, когда я появлюсь на свет. Но когда я родилась, случилось нечто странное. Дар передался мне, но... ослабленный. Искажённый.

Арина подалась вперёд.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не была роковой женщиной, Ариша, — тихо сказала Ирина. — У меня не было той магнетической силы, что у Екатерины, у Варвары, у Насти. Я не могла подчинять мужчин взглядом. Мой дар был тихим, незаметным. Я могла чувствовать людей, понимать их, но не управлять ими.

Ирина подняла глаза на дочь.

— Александра не смогла этого принять. Она думала, что проиграла. Что не смогла обмануть систему. Что передала мне слабый, бракованный дар. Она всю жизнь чувствовала вину за то, что не удержала мужа, что не сохранила силу. Её муж, мой отец, ушёл от неё, когда мне было пять лет. Нашёл другую. А Александра осталась одна.

Ирина замолчала. В кухне повисла тишина.

Арина смотрела на мать. Впервые она видела не просто женщину, которая всю жизнь молчала. Она видела человека, который нёс груз чужих ожиданий, чужих провалов, чужой боли.

— Александра пыталась обмануть систему, — тихо сказала Ирина. — И система наказала её. Она показала, что дар — это не игра. Не инструмент. Это приговор.

Арина кивнула. Она понимала. Теперь понимала всё.

Цепь проклятия тянулась через весь род. Екатерина сломала Веру. Варвара сломала Зину. Настя сломала Машу. Александра пыталась обмануть систему и проиграла.

И теперь она, Арина, стояла на той же черте.

Но у неё был выбор, которого не было у других. Она знала правду. Знала цену. И могла выбрать другой путь.

— Я разорву эту цепь, мам, — сказала Арина. — Я найду способ.

Ирина посмотрела на неё. В её глазах мелькнула надежда.

— Я хочу в это верить, Ариша, — тихо сказала она. — Больше всего на свете хочу в это верить.

Глава 29. Падение

Ирина смотрела в свою чашку. Пар давно перестал подниматься, чай остыл, но она продолжала держать её обеими руками, будто пытаясь согреться изнутри.

— Теперь я, — тихо сказала она. — Мой дар был слабым. Как я уже говорила, искажённым. Но он держался дольше, чем у Александры. До девятнадцати лет.

Арина молчала, боясь нарушить хрупкое равновесие этого момента.

— Мне было восемнадцать, — продолжила Ирина, и её голос стал глухим. — Твой отец сделал мне предложение. Мы поженились. Я была счастлива, Ариша. По-настоящему счастлива. Я любила его. И я думала, что если я люблю, если я строю семью, система меня не тронет. Я забеременела почти сразу.

Ирина сглотнула. Она побледнела.

— Это была зима. Январь. Я опаздывала на первую пару в институт. Я тогда была отличницей, рвалась вперёд, хотела быть лучшей. Бежала к автобусной остановке. На льду я поскользнулась. Упала сильно. Животом.

Арина почувствовала, как холод сковывает лёгкие. Она уже знала, что будет дальше, но не могла это остановить.

— У меня было семь месяцев беременности. Начались роды. Он родился живым, Ариша. Мой сын.

Ирина закрыла глаза. По её щекам текли слезы, но она их не вытирала.

— А потом акушерка перерезала пуповину. И он замолчал. Просто перестал дышать.

Ирина открыла глаза и посмотрела на Арину. В её взгляде была бездна.

— Система зачла это как жертву. Как новую кровь. Я могла не бежать. Я могла опоздать на эту дурацкую пару. Но моё желание быть лучшей, моя спешка сыграли со мной злую шутку. Система использовала мои амбиции, чтобы получить то, что ей было нужно.

В кухне повисла мёртвая тишина. Арина смотрела на мать и понимала, что та всю жизнь несёт в себе эту вину. Вину за сына, которого она никогда не видела, но чью смерть она вызвала своей спешкой.

— После этого — Ирина горько усмехнулась, — дар вернулся. Но он был уже не слабым. Он стал сильным. Чудовищно сильным. Мужчины начали липнуть ко мне. Смотрели, как голодные волки. Я чувствовала их желания, их мысли. Я могла бы сломать любого из них одним взглядом.

— Но ты не сломала, — тихо сказала Арина.

— Нет, — Ирина покачала головой. — Потому что я любила твоего отца. Я знала, что дар — это грязь. И я не хотела пачкать им нашу жизнь. Я боролась с ним каждый день. Подавляла его. И в 2008 году... в 2008 году я родила тебя.

Ирина замолчала. Она смотрела на Арину так, будто видела её впервые.

— Когда ты родилась, я поняла, что случилось что-то страшное. Твой дар, Ариша он оказался невероятно мощным. Сильнее, чем у Екатерины, сильнее, чем у Варвары. Но у него был укороченный срок. Система сжала пружину. Она дала тебе огромную силу, но таймер тикает быстрее. Только до шестнадцати лет.

Арина медленно выдохнула. Ей было восемнадцать. Таймер уже отмерил время.

— Это новый виток спирали, — прошептала Ирина. — Система эволюционирует. Она требует всё больше и быстрее. Екатерина, Варвара, Настя они ломали других. Я потеряла сына. А теперь система ждёт, что сделаешь ты.

Ирина встала, подошла к дочери и положила руку ей на плечо. Её ладонь была холодной, но твёрдой.

— Я не знаю, как это остановить, Ариша. Но я знаю одно: ты не должна платить эту цену. Ни за кого. Слышишь? Ни за кого.

Арина кивнула. В её голове не было страха. Была только холодная ярость.

Система забрала её брата. Система сломала её мать. Система дала ей дар, который должен был сделать её монстром.

Но система не учла одного. Арина знала правила игры. И она собиралась их переписать.

Глава 30. Озеро

Надя проснулась в третий раз за ночь.

Снова этот сон. Снова эта девушка. Только теперь она не просто стояла и смотрела. Теперь она была ею.

Надя села на кровати, провела рукой по лицу. Кожа была влажной, холодной. Будто она только что вышла из воды. Но нет, она была в своей комнате, в своём доме. За окном стояла ноябрьская ночь.

Она легла обратно, закрыла глаза. И снова провалилась.

Она идёт по лесу. Ноги сами находят тропу, будто ходила сюда сотни раз. В ушах стоит шум.

Озеро. Она видит его сквозь деревья. Тёмная вода, неподвижная, как зеркало. Она ощущает, что время остановилось.

В голове возник голос. Он звал её.

«Иди».

Она не боится. Страх остался где-то позади. Здесь, у воды, только спокойствие. Только понимание: так и должно быть.

Она снимает обувь. Ступни касаются влажной земли. Холодно. Приятно.

«Иди».

Она входит в воду. Сначала по щиколотку. Потом по колено. Вода поднимается, обволакивает, принимает. Не холодно. Тепло. Как будто возвращается домой.

...Вода уже по пояс. По грудь. По шею.

Она не плывёт. Она стоит. Ждёт.

И тогда вода начинает двигаться. Из глубины, сквозь тёмную толщу, к ней поднимается женщина. Молодая. С распущенными тёмными волосами.

Надя замирает. Она ждёт объятий. Ждёт, что та протянет руки, заберёт её и уведёт туда, где нет боли.

Но женщина не протягивает руки. Она просто смотрит. В её глазах нет ни приветствия, ни силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.